

A woman with dark hair styled in an updo, wearing a blue off-the-shoulder dress and a black choker, is looking upwards and to the right. She is in a room with ornate gold-colored furniture and decorations. The background features a dark, patterned curtain and a large, ornate gold-colored candelabra. The overall style is classic and elegant.

Дерзкие
СМОЛЛ

Неотразимая
герцогиня

Бертрис Смолл

Неотразимая герцогиня

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=130789

Бертрис Смолл Неотразимая герцогиня: Аст; Москва; 2015

ISBN 978-5-17-094613-6

Аннотация

Богатейшая наследница Англии гордая Аллегра Морган готова предложить супругу в обмен на его титул все – кроме своей любви... Знатнейший из британских аристократов беспутный Куинтон Хантер готов предложить нареченной в обмен на ее приданое все – кроме настоящего брака... Итак – деловой союз партнеров, которым выгодно считаться мужем и женой? Или – каприз лукавой Судьбы, которая свела настоящего мужчину и прелестную юную женщину, чтобы они полюбили друг друга со всей силой страсти?!

Содержание

Англия, 1794 год	5
Пролог	5
Часть I	12
Глава 1	12
Глава 2	37
Глава 3	67
Глава 4	97
Глава 5	125
Конец ознакомительного фрагмента.	129

Бертрис Смолл

Неотразимая герцогиня

*С любовью посвящается лучшей подруге
моей покойной матери, Констанс Макинтайр из
Трайона, Северная Каролина. Спасибо, Конни!*

Bertrice Small

The Duchess

© Татьяна Перцева

© Издание на русском языке AST Publishers, 2015

Англия, 1794 год

Пролог

– Ничего не поделаешь, будь я проклят! Придется жениться! – объявил собравшимся друзьям Куинтон Хантер, герцог Седжуик. Те потрясенно взирали на стройного мускулистого великана с густой гривой черных волос.

– Когда-нибудь нас всех ждет эта участь, – с радостной улыбкой отозвался наконец виконт Пикфорд.

– Не похоже, что ты торопишься, Оки, – заметил герцог. Октавиан Бэрд, виконт Пикфорд, снова расплылся в улыбке:

– Вот что, Куинт, я готов пожертвовать собой и составить тебе компанию. Начнем охотиться за невестами с начала нынешнего сезона, договорились?

Его голубые глаза лукаво блеснули.

– Думаю, нам всем пора обзавестись семейством, – заключил Маркус Бейнбридж, граф Астон. – Мои родные будут на седьмом небе, если я приведу в дом хорошенькую невесту с богатым приданым.

– Клянусь Богом, Бейн, это великолепная мысль! – засмеялся виконт Пикфорд.

Троица дружно уставилась на четвертого собеседника,

лорда Адриана Уолворта.

– А ты, Дри? – осведомился герцог.

Лорд Уолворт пожал плечами.

– Можно подумать, у меня есть другой выход, – раздраженно проворчал он. – Если вы женитесь, а я нет, с кем мне играть в карты? Жены терпеть не могут холостых приятелей своих мужей. – И, немного подумав, добавил: – Только учтите, в таком случае мы больше не сможем предаваться своим забавам во Франции. Хотя нам и в самом деле лучше этим не заниматься. В последний раз нас едва не схватили. Мне совсем не улыбается, если моя голова будет красоваться на пике какого-нибудь лягушатника.

Мрачное лицо Уолворта внезапно просветлело.

– Ах, если бы только лондонские модницы знали, кому обязаны появлением в столице их любимой модистки! – ухмыльнулся он. – Вершиной нашего успеха стало спасение мадам Поль и ее мастериц.

Остальные дружно кивнули.

– Что ж, – с ностальгическим вздохом продолжал Уолворт, – если вы трое вздумали повесить на себя кандалы брака, значит, я волей-неволей должен следовать вашему примеру под страхом лишиться всех приятелей сразу. Кроме того, моя матушка будет счастлива. Стоит мне приехать домой, как тут же начинаются разговоры о внуках, которые неизвестно когда появятся, и тому подобных материях.

– Представляю, в каком восторге будут светские мамень-

ки, когда пронюхают о наших планах на новый сезон, — хмыкнул виконт Пикфорд. — Откровенно говоря, трудно представить себе более завидных женихов! Я слышал, что вдовствующая маркиза Роули собирается вывозить в свет свою племянницу, дочь лорда Моргана. Вот достойная невеста для тебя, Куинт.

— Боюсь, мне придется потруднее, чем вам, — откликнулся герцог без тени иронии. — Хотя крови благороднее моей в Англии не сыскать даже у королев, зато кошелек почти пуст. Мои предки имели весьма романтические представления о женитьбе по любви и, клянусь Богом, неуклонно им следовали. И что еще хуже, почти каждый имел несчастное пристрастие к картам. Каким-то чудом нам удалось сохранить поместье, но если хорошенько присмотреться, Хантерз-Лейр просто разваливается на глазах. Леди, которую я выберу себе в жены, должна быть достаточно богата, чтобы вернуть ему прежнюю роскошь, и принести мне значительное приданое, чтобы я смог стать на ноги. Я вовсе не азартен по натуре и не имею особого желания жениться по любви. Поэтому и придется прибегнуть к практическим соображениям, чтобы привести мое имение в порядок и заставить его процветать. Если, разумеется, сумею найти леди достаточно знатную и богатую, которая приняла бы мое предложение.

— В таком случае дочь лорда Моргана — именно то, что тебе необходимо, — настаивал виконт Пикфорд. — Состояние у нее огромное.

– Зато происхождение не слишком высокое, – возразил граф. – Ее отец – носитель титула всего лишь во втором поколении. Его предки были лондонскими торговцами, и семья по-прежнему не оставляет этого занятия. Правда, мать мисс Морган была младшей дочерью герцога Арли. Она сбежала с каким-то итальянским графом, когда девочке было два года, а ее брату – восемь. Представляете, какой разразился скандал! Лорд Морган, естественно, с ней развелся, но больше так и не женился. Несколько лет назад убили его сына. С тех пор лорд посвятил себя своей единственной дочери. Она просто баснословно богата, Куинт, но в самом деле недостаточно знатна для тебя.

– Не будь таким снобом, Бейн, – упрекнул приятеля виконт. – С отцом, богатым, как Крез, и дедушкой-герцогом она наверняка пройдет самый строгий отбор. Особы более аристократичные, увы, не так богаты, чтобы помочь Куинту выбраться из нищеты. Ничего не скажешь, идеальный брак.

– Я немного знал ее брата, – вставил лорд Уолворт. – Неплохой был малый, с безупречными манерами и всегда вовремя платил долги.

– Ты когда-нибудь ее видел? – поинтересовался герцог.

Лорд Уолворт покачал головой:

– Этакая провинциальная мышка, насколько мне известно. Никогда не бывала в столице, хотя у ее почтенного папаши большой дом на Беркли-сквер.

– Интересно, какова она на вид? – задумчиво протянул

герцог.

– Ночью все кошки серы, – рассудительно заметил граф.

– Верно, но при свете дня приходится сидеть напротив них за обеденным столом, – быстро отпарировал герцог под общий хохот.

– Итак, джентльмены, решено, – заключил виконт. – В наступающем сезоне начнем искать невест и все дружно пойдем под венец. Только подумай, Куинт, какие балы ты станешь задавать, когда Хантерз-Лейр вновь обретет прежний блеск!

– Не он, а его жена, – угрюмо буркнул лорд Уолворт. – И хочется надеяться, наши супруги будут пользоваться ее благосклонностью, иначе нас туда попросту не пригласят.

– Вы всегда будете желанными гостями в Хантерз-Лейре, друзья мои. Помните: мужчина – глава семьи и хозяин в собственном доме. Мы встретились еще в Итоне и с тех пор неразлучны. А теперь... – Седжуик стукнул кубком по выщербленному дубовому столу и громко позвал: – Крофт! Где ужин?!

– Сию минуту, ваше сиятельство, – с поклоном ответил слуга. – Миссис Крофт боялась пережарить оленину.

С этими словами он поспешно вылетел из старой парадной залы, где много веков ужинали герцоги Седжуики.

Хантерз-Лейр был большим домом, но никогда не ремонтировался и не обставлялся заново, даже в эпоху Стюартов, когда переделывались почти все английские особняки, в ко-

торых устраивались большие парадные столовые с мраморными каминами. Куинтон был девятым графом Хантером и четвертым герцогом Седжуиком. Первому герцогу титул был пожалован в 1664 году, через несколько лет после провозглашения королем Карла II. Графами же Хантеры стали еще при короле Генрихе VIII. До 1143 года они были известны как бароны, а перед этим – как баронеты, так что и в самом деле могли по праву гордиться чистотой своей крови и древностью рода.

Нынешний дом был выстроен в 1500 году на руинах древнего замка, а позже и второго особняка, сгоревшего в царствование Генриха VII. Стены из красного кирпича были почти сплошь увиты блестящим плющом. Старинные окна в свинцовых переплетах были очень красивы, но достаточно было легкого толчка, чтобы рамы вылетели. Поэтому открывались они редко и с крайней осторожностью. Несмотря на дряхлость, дом производил впечатление изысканной простоты, служил жилищем многим поколениям Хантеров, и герцог очень его любил.

Разумеется, от Куинтона ждали, что он женится и произведет на свет наследников, хотя желания его отца в этом отношении были весьма далеки от реальности. Кто, спрашивается, выйдет замуж за нищего с голубой кровью?

И все же он должен найти невесту – в противном случае что станет с Хантерз-Лейром?! Кроме того, нужно было подумать и о младшем брате Джордже. Без приданого супру-

ги герцог не сможет купить ему патент на право занятия офицерской должности или хотя бы место священника в захудалом приходе.

– Придется продать несколько лошадей, чтобы сшить себе приличный гардероб и иметь хоть какие-то карманные деньги, – пробормотал Куинтон вслух.

– Все мы остановимся в лондонском доме моего отца, – решил виконт. – Старик все равно не захочет проводить сезон в столице. Он и в парламент-то почти не ездит, но с сентября по июнь его особняк открыт для семьи и друзей.

– Чертовски благородно! – восхитился лорд Уолворт.

– Да, Оки, спасибо, – согласился граф. – У нас никогда не было городского дома. Надеюсь, у семьи той леди, которая станет моей женой, он есть.

– Буду рад принять твое предложение, Оки, – вторил герцог.

– Итак, на подготовку у нас два месяца, – объявил виконт Пикфорд. – Завтра мы расстанемся и встретимся пятнадцатого марта, чтобы вместе отправиться в Лондон, джентльмены.

– Идет, – хором откликнулись граф Астон и лорд Уолворт.

– Согласен, – кивнул герцог Седжуик.

Часть I

Год 1795-й от Рождества Христова

Весьма успешный сезон

Глава 1

– В лучшем случае мы сможем подцепить для Аллегры графа, а может, и графского наследника, – объяснила леди Олимпия Эббот, вдовствующая герцогиня Роули, своему зятю, лорду Септимиусу Моргану. – Беда в том, что безумная выходка Пандоры сильно повредила будущему ее дочери. Моя сестра всегда была эгоисткой, и нечего смотреть на меня, как на врага, Септимиус, ты сам знаешь, что это правда, даже если отказываешься ее признать.

Она задумчиво пригубила чай из чашки веджвудского фарфора.

– До начала сезона трудно сказать, какие возможности подвернутся и кто именно из подходящих молодых людей решит, что ему необходима жена, но могу ручаться, что необычайная красота и богатство Аллегры привлекут самых завидных женихов. Родовитая знать, разумеется, будет ею пренебрегать, но мы тем не менее сумеем выбрать наидостойнейшего. Чай великолепен, Септимиус. Кто твой постав-

щик? Я должна заказать себе такой же.

– Этот чай выращивают на моих собственных плантациях, Олимпия. Я позабочусь о том, чтобы с этого дня ты его получала, – пообещал лорд Морган.

– У тебя плантации в Индии? Я и не знала, – удивилась свояченица, отпивая глоток.

– На Цейлоне. Мои владения весьма разнообразны. Неразумно класть все яйца в одну корзину. Я постарался преподать дочери этот урок.

– Не знаю, к чему столько трудов, – отмахнулась леди Эббот. – Аллегра все равно станет чьей-то женой. От нее всего-навсего потребуется умело вести хозяйство, наставлять слуг на путь праведный, рисовать миленькие акварели, играть на фортепьяно, петь, танцевать и, самое главное, поскорее дать мужу наследника. После этого ей предстоит воспитывать детей в страхе Божьем, прививать им хорошие манеры и чувство гордости тем, что они родились англичанами.

– Аллегра – моя наследница, Олимпия. Ей следует знать, как управляются мои предприятия, иначе она в один прекрасный день рискует их потерять, – объяснил лорд Морган, но свояченица только покачала головой.

– Септимиус, – раздраженно воскликнула она, – наследство Аллегры перейдет в руки мужа! Тебе хорошо известно, что мы, женщины, плохо разбираемся в делах. Как бы ты ни трясся над своей дочерью, она всего лишь девушка! – Маркиза рассмеялась, но тут же вновь нахмурилась: – Я знаю, как

ты тоскуешь по Джеймсу Люсиану, но сына не вернешь. Аллегра не может его заменить. – Кроткие голубые глаза Олимпии наполнились слезами, и она поспешила положить руку на плечо свояка. – Мой племянник был великим героем, упокой Господь его душу. Героем и истинным джентльменом.

– Не стоит говорить об этом, – резко перебил Олимпию лорд Морган. – Пусть Аллегра всего лишь женщина, но при этом она чрезвычайно умна. Тот, кто станет ее мужем, должен оценить это качество. До самой моей смерти Аллегра будет ежегодно получать содержание в сумме двухсот пятидесяти тысяч фунтов. По завещанию ей отходит та же сумма от дохода с моих поместий. Не желаю, чтобы моя дочь зависела от благорасположения какого-то смазливой мота с голубой кровью, который вздумает третировать свою жену, после того как покорит ее сердце, станет бросать ее деньги на свои прихоти и любовниц и прежде времени сведет себя в могилу пьянством и игрой, оставив Аллегру и моих внуков беспомощными и без гроша в кармане.

– Септимиус! – ахнула шокированная свояченица. – Ради всего святого, за кого же ты собрался выдать Аллегру замуж?

– Я слишком хорошо знаю людей, именующих себя знатью и светским обществом, дорогая Олимпия. Большинство из них – никчемные бездельники и все как один снобы. Как дочери лорда Моргана, Аллегре волей-неволей придется выбрать одного из них в супруги, но я не брошу ее на произвол судьбы.

Кулак лорда с такой силой опустил на столешницу красного дерева, что маркиза вздрогнула.

– Но как бы ты ее ни обеспечил, по закону всем будет распоряжаться ее муж, – запротестовала Олимпия. – Невозможно обойти закон, Септимиус.

Лорд Морган усмехнулся, подумав, что хотя его свояченица и добрая душа, но для своих лет чересчур наивна.

– Разумеется, я могу обойти закон, дорогая. Это одно из преимуществ огромного состояния. Неплохо быть самым богатым человеком в Англии, ты не находишь? Когда я желаю чего-то, окружающие счастливы мне угодить. Моя благодарность при этом не знает границ и поэтому высоко ценится. Ни один муж не сумеет использовать деньги Аллегры в своих целях. А теперь поговорим о насущных делах. Ты, разумеется, на время сезона будешь жить в нашем лондонском доме. У Аллегры будут лучшие и самые дорогие туалеты, которые только можно сшить. Я не позволю, чтобы ее затмили более тусклые звездочки. С твоей стороны крайне благородно взять ее под свое крыло, особенно если учесть, что твоей младшей дочери тоже предстоит дебют в свете. Надеюсь, ты позволишь мне оплатить гардероб и Сирены? Заодно и Аллегра, видя, что ее любимую кузину постигла та же участь, будет стоять смирно на примерках. Ничего не жалей для девушек, дорогая. Чарлз Трент, мой управляющий и секретарь, позаботится о драгоценностях. Сейф в моем городском доме уже ломится от украшений.

– Ты так добр, Септимиус! – благодарно выдохнула леди Эббот. Ее сын, молодой маркиз Роули, был женат и неплохо обеспечен, но вряд ли мог себе позволить потратиться на младшую сестру. Тем более что, когда маркиза вернулась из Морган-Корта, невестка без стеснения выразила недовольство тем, что Сирену собираются вывозить в свет.

– Огастес, – злобно шипела она в присутствии свекрови, – приданое Сирены ничтожно. Не представляю, кто на нее посмотрит! Неужели мы не сможем найти ей мужа здесь, в провинции? Насколько мне известно, у сквайра Робертса прекрасный сын, которому давно пора жениться. До чего же глупо тратить наши деньги на сезон для твоей сестры!

Вдовствующая маркиза была поражена и возмущена наглыми речами невестки. Она всегда старалась поддерживать хорошие отношения с женой Гасси, но это уже слишком. Она не собирается терпеть подобного!

– Дорогая Шарлотта, – ответствовала она ледяным тоном, от которого по спине ее единственного сына пробежал озноб, – ваше приданое, насколько я помню, тоже нельзя было назвать особенно щедрым, но вы все же сумели привлечь внимание моего сына. Вы женаты уже пять лет, однако пока наследников не предвидится. Тем не менее я не жалею. Кстати, средства на приданое Сирены были отложены еще ее отцом, моим дорогим мужем, вместе с деньгами на ее дебют в высшем свете Лондона.

– Где же вы остановитесь? – не унималась глупенькая

Шарлотта. – Мы тоже сможем приехать на сезон.

– Я, как известно, вывожу в свет свою племянницу, Аллегру Морган. Лорд Морган предложил нам пожить в его особняке на Беркли-сквер, – промурлыкала леди Эббот. – Все уже устроено, и первого марта мы едем в Лондон.

– Вы вполне можете остановиться в Эббот-Хаусе, мама, – великодушно предложил сын назло жене.

– Господи, Гасси, ни за что! – отмахнулась леди Эббот. – Он слишком мал и, боюсь, расположен не в самом престижном квартале. Сирена просто обязана произвести хорошее впечатление в свете! Кроме того, ваши друзья заполонят весь дом, а подобное место вряд ли подходит для молодой девушки.

– Дом, который мой отец подарил нам на свадьбу, находится в прекрасном квартале! – взорвалась уязвленная Шарлотта.

– Возможно, дорогая, – великодушно согласилась свекровь, – но все же это не Беркли-сквер, не так ли? – Она широко улыбнулась, довольная, что поставила на место нахальную девчонку. – Уверена, что Септимиус пригласит вас на все балы, которые даст в честь Аллегры. В конце концов, она кузина Гасси!

– Мне всегда нравилась Аллегра. Миленькая, но уж очень своевольная кошечка, – заметил маркиз Роули с довольным смешком. – Но когда они с Сиреной встречаются, сам дьявол не мог бы наделать большей суматохи! Вдвоем они способны

на любую проделку. Тебе нелегко придется, мама.

— Поэтому я заранее предвкушаю последующее спокойное лето в деревне, — с улыбкой заметила мать.

— Если девушки сумеют подцепить мужей, мама, не будет тебе никакого покоя все лето. Придется готовиться к свадьбам. Дядя Септимиус сможет положиться в этом деле только на тебя. Представляю, с какой помпой он станет выдавать дочь замуж.

— У мисс Морган почти никакой надежды сделать достойную партию, — вмешалась Шарлотта. — Пусть она богата, но не слишком знатна, а позорная выходка ее маменьки вряд ли свидетельствует в ее пользу. Не зря говорят, что яблоко от яблони недалеко падает.

— Мать Аллегры, если помните, Шарлотта, приходится мне младшей сестрой, — отрезала леди Эббот. — Ее неразумный поступок отражается на моей племяннице в той же степени, что и на мне или на тех детях, которых вы так и не успели родить. Что за бред вы несете, дорогая!

— Ты слышала что-нибудь о тете Пандоре со времени ее побега? — любопытствовал Огастес.

— Раз уж мы заговорили об этом, я скажу, но только ни слова Аллегре или кому-то из посторонних. Да, я знаю, где моя сестра. Она вышла замуж за своего графа и живет неподалеку от Рима. Насколько мне известно, вся округа их любит и уважает.

— Но как может разведенная женщина снова выйти за-

муж? – ахнула Шарлотта.

– Первый брак Пандоры не был заключен по католическому обряду и, следовательно, не признается римской церковью. Моя сестра сначала перешла в католичество, а потом вышла замуж. Септимиусу все об этом известно, но Аллегре ничего не сказали.

– Она почти не помнит мать, – кивнул Огастес. – Ей было всего два года, когда тетя Пандора сбежала.

– Племянница совсем ее не помнит, разве что видела портрет, висящий в Морган-Корте. Септимиус так и не снял его, потому что до сих пор любит Пандору. Моя сестра не стоит такого хорошего человека.

– Мадам, – глупо хмыкнула Шарлотта, – вы так жалуете лорда Моргана, что всякий может вообразить, будто вы к нему равнодушны.

Она хитро подмигнула свекрови, продолжая при этом хихикать самым раздражающим образом.

Просто удивительно, и что нашел Огастес в этой нелепой особе?!

Леди Эббот поморщилась. Всего год прошел с кончины ее любимого мужа, и Октавия только что сняла траур, когда ее сын встретил Шарлотту, дочь небогатого графа. Ее родители пришли в восторг от столь удачного знакомства своей дочери. Еще бы! Они и сделали все, чтобы свадьба состоялась незамедлительно после первой встречи молодых людей. У Октавии не было времени открыть сыну глаза на легко-

мыслие девушки, которая к тому же оказалась злой эгоисткой. Но Огастес, похоже, был счастлив с женой, хотя она так и не удосужилась родить ему ребенка. Сын утверждал, что Шарлотта боится родов, поскольку наслушалась душераздирающих историй от своей маменьки, безмозглого создания, которое, однако, несмотря на все мнимые страхи, ухитрилось произвести на свет троих отпрысков.

– Тебе понадобится карета, чтобы добраться до Лондона? – спросил мать маркиз, игнорируя, как и надеялась Октавия, идиотский выпад своей жены. При всей любви к Шарлотте порой даже его смущала ее бестактность.

Леди Эббот чуть улыбнулась и ободряюще похлопала сына по руке.

– Нет, дорогой, мы поедem в дорожном экипаже Септимуса. Он гораздо удобнее.

– Я слышала, что все накладки на его дверцах из чистого серебра, – снова вмешалась Шарлотта.

– Кажется, так и есть, – кивнула леди Эббот. – Через несколько дней мы с Сиреной уезжаем в Морган-Корт, а уж оттуда – в Лондон. Буду очень благодарна, если ты одолжишь нам свою карету, чтобы добраться до Морган-Корта.

– Разумеется, мама.

– Но что, если мне вздумается как раз в это время навещать сестру? – заныла Шарлотта.

– В таком случае я сам отвезу тебя к Лавинии в фаэтоне, моя бесценная.

– О, – просияла Шарлотта, – какая чудесная мысль!

В этот момент двери гостиной распахнулись, и на пороге появилась Сирена Эббот с пакетом в руках. Леди Эббот улыбнулась хорошенькой девушке с золотистыми волосами и серо-голубыми глазами. Ее розовато-белая кожа напоминала цветом нежный персик со сливками.

– Мама, это только что прислали от дяди Септимиуса, – выдохнула девушка. – Должно быть, он взял на себя труд расписать все наше путешествие едва ли не по часам!

Она хотела добавить еще что-то, но, вовремя вспомнив о хороших манерах, присела перед невесткой, подбежала к брату и горячо его обняла.

– Ох, Гасси, я так волнуюсь! Представляешь, мы с Аллегррой едем в Лондон! И думаем, что там нам не будет равных! Все джентльмены будут у наших ног. Нашими мужьями достойны стать только те, кто готов драться за нас на дуэли!

Огастес от души расхохотался и прижал к себе сестру.

– Надеюсь, это окажется таким волнующим, как ты и предвкушаешь, сестричка. И ты найдешь прекрасного мужа из достойной семьи и с солидными средствами, который о тебе позаботится.

– А он будет меня любить, Гасси? – встревожилась Сирена.

– Как можно тебя не любить? Ты прелестна, добра, хорошо воспитана и к тому же добродетельна. Ни один мужчина не может требовать от жены большего, дорогая.

– Но помни, не стоит доверять своим лондонским приятельницам, – вставила Шарлотта. – Ты не дома. Все они охотятся за мужьями и не упустят случая унижить соперницу или ей напакостить, если будущая добыча особенно соблазнительна.

– Прекрасный совет, – кивнула леди Эббот, удивленная столь неожиданным великодушием невестки. Правда, не нужно было иметь семи пядей во лбу, чтобы сообразить: Шарлотта счастлива поскорее сбыть золовку с рук.

– Можно подумать, что это какая-то война, – заметила простодушная Сирена.

– Так оно и есть, – усмехнулась Шарлотта. – Твой святой долг – держаться начеку и неусыпно следить за соперницами, пока жених не наденет тебе на палец обручальное кольцо перед алтарем. В свой первый сезон я встретила девушку, помолвленную с молодым человеком, предметом зависти всех ее подруг. Дело уже шло к свадьбе, когда жених вдруг передумал и сбежал с другой! Несчастливая, разумеется, лишилась всего разом: будущего, репутации, надежд на достойный брак – и с тех пор не осмеливалась показаться в Лондоне! Вряд ли теперь кто-то на нее польстится, пусть даже в провинции.

– Бедняжка! – сочувственно пробормотала Сирена.

– Не будь рядом с тобой мисс Морган, я и в самом деле встревожилась бы за тебя, Сирена, – нетерпеливо бросила Шарлотта. – У твоей кузины по крайней мере хватает здра-

вого смысла.

Леди Эббот снова удивленно подняла брови.

– Мне казалось, что вы недолюбливаете Аллегру Морган, – заметила она невестке.

– Ошибаетесь, она мне совершенно безразлична, – заверила та.

Вопреки надеждам Сирены в конверте оказалась всего лишь короткая записка. Лорд Морган просил родственников приехать через неделю. Оказалось, что экипаж Роули не понадобится: лорд Морган решил прислать за дамами свою карету. Они немного погостят в Морган-Корте, а потом отправятся в столицу. Сам хозяин намеревался выехать вперед, чтобы ожидать их в Лондоне. Он уже договорился с мадам Поль, самой известной модисткой в городе, эмигранткой, бежавшей от ужасов французского Террора. Она пообещала сшить девушкам полный гардероб, включая и придворные наряды, в которых они будут представлены королю.

Сирена была вне себя от волнения.

– Представь только, Шарлотта! Дядя пишет, что ничего для нас не пожалеет и мы наденем драгоценности из фамильного сейфа! Сама мадам Поль нами займется! Нас даже представят его величеству и королеве!

– Как всех молодых дам благородного происхождения, – кисло буркнула Шарлотта. – Я в свое время тоже представлялась ко двору, но вот почему эта честь будет оказана мисс Морган? Уж ее кровь вряд ли можно назвать голубой, разве

что самого-самого светлого оттенка...

– Такого же, как и у вас, – резко отпарировала леди Эббот. – Не забывайте, ее мать – дочь герцога, а дед с таким титулом ничуть не ниже вашего отца-графа, а может быть, и выше! – Она величаво поднялась и, прежде чем побагровевшая невестка успела раскрыть рот, скомандовала: – Сирена, дорогая, нам пора! Нужно собрать вещи, хотя тебе вряд ли что-то понадобится. Так, самую малость, чтобы протянуть, пока мадам Поль не пришлет твои новые туалеты.

С этим она выплыла из комнаты, сопровождаемая дочерью.

– Ну почему твоя мать так меня ненавидит? – разрыдалась Шарлотта, как только за свекровью закрылась дверь.

Огастес поспешил обнять жену.

– Возможно, дорогая, было бы куда лучше, не старайся ты выказать свое превосходство. Мама старше, мудрее, и к тому же она дочь герцога. Не забывай, она очень привязана к лорду Моргану и Аллегре. Всякий раз, когда ты их чернишь, она считает себя обязанной встать на защиту своих родных. Надеюсь, что в будущем ты станешь держать свое мнение при себе, ибо, видишь ли, я тоже люблю дядю и кузину. Мне в наследство досталось не так уж много денег, но я догадался доверить их дяде Септимиусу, и за три года он сумел их утроить благодаря разумным вложениям. Все те безделушки, украшения и туалеты, которыми ты так восхищаешься, я смог купить только благодаря финансовому гению дядюшки.

У нас нет долгов, и когда-нибудь мы сумеем оплатить образование сыновей, которые у нас появятся.

Он нежно поцеловал жену в щеку.

– Ненавижу, когда ты упрекаешь меня, Гасси, – надулась Шарлотта.

– В таком случае постарайся изменить свое поведение, дорогая, и в этом не будет нужды, – ответил мудрый супруг, подкрепляя свои слова еще одним поцелуем.

– Я буду несказанно рада, когда мы наконец останемся одни, – вздохнула Шарлотта. – Поистине огромное счастье – провести эти несколько недель перед поездкой в город с тобой, Гасси. Если очень повезет, твоя сестра найдет достойного мужа и больше не вернется в Роули-Холл! Разумеется, твоя мама будет по-прежнему жить в своем доме!

Маркиз рассмеялся. Не находи он пикировки между женой и матерью довольно забавными, то наверняка счел бы нужным положить этому конец. Но это так смешно: его мать, которая так и не свыклась со своим вдовьим положением, и его жена, стремящаяся поскорее выказать себя хозяйкой. Жаль, что Шарлотта упорно не беременеет. Только появление сына и дочери у дочек местных арендаторов убедило маркиза в том, что лично он способен стать отцом. Когда состояние духа его жены станет умиротвореннее, она, несомненно, подарит ему детей.

Экипаж лорда Моргана появился у крыльца Роули-Холла

ровно через неделю, с первыми лучами солнца. Лакеи маркиза, разинув рты, глазели на сверкающую черную карету с серебряными накладками и ручками и гербом лорда Моргана на дверце: золотой корабль под всеми парусами и серебряным полумесяцем над ним. Сиденья были обиты рыжевато-песочного цвета кожей и бледно-голубым бархатом. По обе стороны от них были укреплены позолоченные керосиновые лампы и серебряные цветочные вазочки, в которых стояли нарциссы, терновник и белый вереск. Кучер и два груга были одеты в элегантные черные с серебром ливреи. Даже Шарлотта примолкла, с завистью взирая на такую роскошь.

Груги проворно погрузили багаж. Кучер так и не слез с козел, с трудом сдерживая четверку серых в яблоках, которые приплясывали и фыркали, торопясь поскорее двинуться в обратный путь. Из дома вышли леди Эббот и Сирена в сопровождении горничных. Обе накинули поверх платьев тонкие шерстяные ротонды с меховой отделкой.

– До свидания, дорогой, – попрощалась леди Эббот, целуя сына.

– До встречи в Лондоне, матушка, – ответил молодой маркиз, весело блеснув глазами.

– Постарайся навещать Шарлотту в спальне каждый вечер и трудись на совесть, – тихо посоветовала мать. – Девчонке давно пора выполнить свой долг перед Роули.

Она снова поцеловала сына и позволила одному из гругов

подсадить ее в экипаж.

Маркиз, смущенно вспыхнув, повернулся к сестре, изо всех сил старавшейся не хихикнуть.

– Прощай, малышка. Удачной охоты! – пожелал он.

– О, Гасси... в твоих устах это кажется таким... таким вульгарным! – пожаловалась она.

– Обещаю тебе, будет весело, но послушайся совета Шарлотты и не доверяй ни одной девушке, кроме Аллегры. Охота за мужем – занятие не для слабодушных, сестричка.

Он расцеловал ее в обе щеки и помог сесте в экипаж, где уже устроились мать и горничные.

– До свидания! До свидания! – кричал маркиз Роули, пока конские копыта не застучали по подъездной аллее.

– До свидания! – откликнулась Сирена, высунувшись из окна экипажа так далеко, что возмущенной матери пришлось оттащить ее назад.

– Веди себя прилично! – попеняла она дочери. – Пора оставить детские выходки и стать наконец взрослой!

– Да, мама, – без особого раскаяния кивнула Сирена.

Они без приключений одолели двадцать миль, отделявших Роули-Холл от Морган-Корта, и к полудню были на месте. Едва лошади остановились, как грумы, спрыгнув с запяток, поспешили опустить подножки и помочь пассажирам спуститься. Чарлз Трент, управляющий лорда Моргана, представительный джентльмен неопределенного возраста, с седеющими каштановыми волосами и серьезным лицом, по-

спешил приветствовать гостей: поцеловал руку леди Эббот и поклонился Сирене.

– Добро пожаловать в Морган-Корт. Его милость уже вернулся в Лондон, но велел мне о вас позаботиться. Прошу в дом. Я знаю, что мисс Аллегра с нетерпением вас ждет.

Едва они переступили порог, как в вестибюле появилась Аллегра Морган и с восторженным визгом бросилась на шею кузины.

– Представляешь, – задыхаясь, затараторила она, – мадам Поль прислала свою главную мастерицу мадемуазель Франсин снять с нас мерки и показать образцы тканей, и...

Она виновато прикусила губу, вспомнив о хороших манерах, высвободилась из объятий Сирены и присела перед леди Эббот.

– Добрый день, тетя. Я так рада вас видеть! Папа просил передать вам самый горячий привет. Он с нетерпением ждет встречи с вами в Лондоне.

Аллегра расцеловала тетку в обе щеки.

– Спасибо, дорогая, – пробормотала Октавия, чувствуя, как в лицо ей бросилась кровь. Хоть бы только девочки ничего не заметили!

– Кушать подано, миледи, – объявил дворецкий Пирсон, едва горничная приняла у путешественниц ротонды.

– Вы отобедаете с нами, мистер Трент? – осведомилась леди Эббот, зная, что положение управляющего в этом доме так высоко, что он часто ел за одним столом с хозяевами,

когда те жили в деревне.

— Благодарствую, мадам, у меня срочное дело. Однако я постараюсь освободиться к ужину. Прошу молодых дам после обеда подняться наверх в комнату Примулы, где их уже дожидается мадемуазель Франсин, — напомнил он и с учтивым поклоном направился к двери.

— Какой прекрасный человек! — воскликнула вдовствующая маркиза. — Жаль, что он всего лишь четвертый сын в семье! Его родители — граф и графиня Чемберлен, и все достанется их старшему сыну Френсису.

Она позволила Пирсону усадить ее за стол и, понизив голос, добавила:

— Обидно, что Френсис недостоин титула! Он заядлый игрок, и отцу все время приходится платить его долги. Второй сын служит в Индии и, насколько я помню, уже полковник. Третий стал священником и получил превосходный приход в Ноттингеме. Оба женились на богатых наследницах, как и подобает послушным сыновьям, и не причиняют родителям ни малейшего беспокойства. Представьте, у старшего сына настолько сомнительная репутация, что граф никак не может найти ему жену. А вот Чарлз — другое дело! Прекрасное образование, полученное в Хэрроу и Кембридже, безупречные манеры и способность инстинктивно нащупать верный путь. Двенадцать лет назад твоему отцу повезло найти его и назначить управляющим. Эта должность — занятие вполне достойное для такого воспитанного человека, как Чарлз

Трент. Он присматривает за этим именем и за городским домом. Не знаю, что бы делал без него Септимиус! Мистер Трент ведет расчетные книги, нанимает новых слуг, выплачивает жалованье и отвечает за все хозяйство. Кроме того, он еще и личный секретарь твоего отца. Понятия не имею, как это ему удастся! Превосходный человек, ничего не скажешь.

Маркиза опустила ложку в черепаховый суп, который лакей только что налил ей в тарелку, и принялась за еду.

Аллегра лукаво подмигнула кухне, и Сирена поспешно поджала губы, чтобы не рассмеяться. Девушки ели быстро, почти не притрагиваясь к блюдам, чтобы поскорее покончить с нудным обедом и бежать к мадемуазель Франсин. Но леди Эббот, прекрасно видя, как они возбуждены, разрешила им уйти до того, как подадут десерт и сыры. Обе медленно поднялись, стараясь не выглядеть чересчур взволнованными, сделали реверанс и чинно зашагали к двери, которую поспешно придержал ливрейный лакей. Оказавшись на свободе, девушки переглянулись и ринулись вверх. Чарлз Трент, выйдя из своего кабинета, поднял к небу глаза и улыбнулся.

Кузины шумно ворвались в комнату, где за столом сидела мадемуазель Франсин. Француженка неодобрительно уставилась на них, грозя пальцем.

– Мадемуазель! Вы же не лошади! К чему такой топот?!

– Простите нас, мадемуазель, – покаянно прошептала Сирена. – Просто очень хочется, чтобы с нас поскорее сняли

мерки и сшили платье.

– Вот как? – едва заметно усмехнулась модистка. – Что ж, в таком случае, дамы, вам придется снять свои туалеты, чтобы я смогла начать работу. Вы такие разные! Приходитесь друг другу родственницами?

– Мы двоюродные сестры, – пояснила Аллегра. – Я – Аллегра Морган, а это – Сирена Эббот.

– Спасибо, мадемуазель, – кивнула француженка.

Аллегра подошла к сонетке и несколько раз дернула за ленту. На пороге мгновенно возник лакей.

– Немедленно приведите Онор и горничную леди Сирены, Дамарис, – велела девушка.

– Да, мисс Аллегра, – пробормотал лакей и поспешно ретировался.

– У вас, разумеется, есть с собой образцы тканей, мадемуазель Франсин, которые вы хотели бы нам показать? Мы могли бы их посмотреть, пока не пришли наши горничные.

«Что ж, – подумала мадемуазель Франсин, взяв коробку с образцами, – у этой девушки манеры герцогини, хотя она всего лишь мисс Морган».

– Мы только что получили из Франции партию великолепных шелков и атласа. Как вы понимаете, мисс Морган, на них будет большой спрос.

– Мы решили покупать ткани целыми рулонами – разумеется, те, что выберем, – деловито объявила Аллегра. – Мне и моей кузине совершенно не улыбается видеть такую же ткань

на ком-то другом. Ах! – Она подняла лоскуток розового шелка в полоску. – Идеально! Как раз для тебя, Сирена! Прекрасно подчеркнет цвет лица!

– Вы заказываете ткань рулонами?! – потрясенно охнула француженка. Она прекрасно знала, как недешево обходятся материи, привезенные контрабандой из Франции.

– Да, – кивнула Аллегра. – В этом есть что-то необычное?

– Я должна спросить мадам Поль. Никогда ни о чем подобном не слышала!

– Ни на что иное я не соглашусь, – стояла на своем Аллегра. – Уверена, что папа по достоинству оценит согласие мадам Поль, но если окажется, что она не сумеет нам посодействовать, я всегда могу купить ткани у более стоворчивого продавца. Разумеется, мадам Поль по-прежнему будет шить нам туалеты. Я немедленно пошлю письмо в Лондон, в котором все объясню вашей хозяйке. Вас удовлетворит такое положение вещей, мадемуазель Франсин?

Модистка растерянно кивнула:

– Конечно, мадемуазель Морган.

Да, когда-нибудь эта милая девушка станет силой, с которой придется считаться!

Она молча сидела, глядя на кузин, перебиравших лоскутки, и даже не смела ничего предложить. Очевидно, мисс Морган знает, чего хочет, и без колебаний советует своей хорошенькой сестре, что выбрать. Как ни странно, у этой провинциалочки превосходный вкус!

В дверь постучали, и в комнату вошли две молодые горничные.

– А вот Онор и Дамарис, – улыбнулась Аллегра. – Помогите нам раздеться, чтобы мадемуазель Франсин смогла снять мерки.

Служанки торопливо выполнили приказ. Вскоре Аллегра и Сирена остались в одних батистовых сорочках. Француженка работала быстро, подозревая, что Аллегра не способна устоять на одном месте больше пяти минут. Записав цифры на чистом листке бумаги, она объявила, что корсеты девушкам ни к чему.

– Я бы не стала носить корсет, даже если бы мне приказали! – провозгласила Аллегра.

– Когда-нибудь вы можете и передумать, мадемуазель Морган, – усмехнулась модистка. – Voilà!¹

– Вы возвращаетесь в Лондон завтра? – спросила Аллегра.

– Да, мадемуазель, – вежливо кивнула модистка.

– В таком случае отвезите мое письмо своей хозяйке и передайте ей на словах мои пожелания относительно тканей. Если она не согласится, мне придется просить об этом импортеров, торгующих с папиной компанией. Но не хотелось бы терять тот чудесный зеленый шелк. Из него выйдет прекрасная амазонка, не находите? Так и вижу себя в жакете с золотыми застежками!

– Ничего не скажешь, мадемуазель, у вас не только изуми-

¹ Готово! (фр.) – Здесь и далее примеч. пер.

тельное чувство цвета, но и безупречный вкус, – похвалила модистка Аллегру.

– Спасибо, – тихо ответила та.

Когда мадемуазель Франсин по приезде в Лондон рассказала мадам Поль о разговоре с Аллегрой, та, к удивлению подруги, рассмеялась.

– А что сказал месье Трент? – спросила она.

– О, Мари, он заявил, что мадемуазель должна иметь все, что пожелает. Неужели лорд Морган настолько богат, что может позволить себе выбросить оставшуюся ткань только ради того, чтобы другая девушка не посмела носить такое же платье! О Мари! И без того так трудно получать товары из Франции, да еще не иметь возможности показать их нашим лучшим покупателям... – едва не плакала Франсин.

– Не ной! – резко оборвала мадам Поль. – Из каждого рулона можно сшить два или три платья, но мы сделаем только одно, а заплатят за три плюс стоимость материи! Такие условия мистера Трента. Значит, для других заказчиков у нас останется больше времени, а кроме того, не забудь о кругленькой сумме, которую мы положим в банк! А теперь скажи: что, эти девушки хороши собой? Или дурнушки?

– Мисс Морган необычайно красива. Кожа белоснежная, как лепестки гардении, без единого пятнышка, а волосы цвета красного дерева, из которого ты в прошлом году заказала

стол у мистера Чиппендейла². Темные, но не каштановые и не черные, с едва заметным красноватым отливом. А глаза! Таких я еще не видела! Темно-лиловые, как фиалки!

– Как фиалки? – недоверчиво повторила мадам.

– Именно. Густые темные брови и ресницы. Она, правда, немного выше ростом, чем сейчас модно, но это ее не портит. Стройная, с невероятно тонкой талией. Грудь не слишком полная, но приятно-округлая. И плечи достаточно изящные. Драгоценности будут прекрасно на ней смотреться. Руки и ноги маленькие, точеные.

Что же до леди Сирены, она миниатюрна, как фарфоровая статуэтка. Волосы – чистое золото, ни единой темной прядки. Глаза – серо-голубые, с поразительно длинными рыжеватыми ресницами. Она настолько изысканна, что джентльмены будут ее обожать. Мисс Морган всячески ее оберегает, поскольку леди Сирена естественна и мила, как весенний цветок. Совершенно очаровательна и любит свою кухню так же сильно, как та – ее. Крайне необычная пара.

– Но мисс Морган вовсе не так уж беспомощна, – заметила мадам.

– Уж это точно! – согласилась мадемуазель Франсин. – Мила и образованна – возможно, даже чересчур для молодой дамы из хорошей семьи. Не терпит глупцов и напрямую высказывает свое мнение. Вполне сознает свое могущество, силу отцовского богатства и то, что она наследница своего

² Знаменитый мебельный мастер начала XIX в.

отца. Если она что-то пожелает, то непременно добьется своего. Не знаю, сумеет ли она понравиться мужчине, несмотря на свою ослепительную красоту и богатство.

– Она подцепит титулованного мужа еще до конца сезона, – цинично предсказала мадам. – Ее семья постарается найти ей самого знатного жениха, какого только возможно получить за деньги, и мисс Морган выйдет за него, помани мое слово! Не удовольствуется простым баронетом или мелким дворянчиком, нет, это будет отпрыск древнего рода, и богатство ее отца поможет ей его заарканить.

– Ну а любовь? – жалобно вздохнула Франсин.

Мадам рассмеялась.

– Эти англичане заключают браки, словно торговцы свои сделки! Боюсь, чувства тут не играют роли. Лишь положение и состояние принимаются ими в расчет.

– *Pauvres petites!*³ – пожалела мадемуазель.

– Не стоит их жалеть. Они получают именно то, что заслужили. И как ни странно, многие будут очень счастливы. Непонятные люди эти англичане. Для них самое главное – дом и семейный очаг. Никакой тяги к приключениям.

– А как же любовь? – настаивала мадемуазель.

Мадам снова рассмеялась.

– Ты так романтична, Франсин, – заметила она. – А теперь носи листки с мерками и начнем делать выкройки.

³ Бедные крошки! (*фр.*)

Глава 2

По приезде в Лондон Аллегра нашла кипу приглашений, адресованных ей и Сирен. Конверты громоздились на серебряном подносе, разложенные в порядке получения.

– Господи! – воскликнула девушка. – Что мне с этим делать?

Чарлз Трент взял у дворецкого Маркера тяжелый вычурный поднос.

– Я сам просмотрю их, мисс Аллегра, и распоряжусь, чтобы на каждое ответили как полагается. Кстати, вот герб Беллингемов. Их балом обычно открывается сезон. Это мы, разумеется, примем. Некоторые ищут способов возвыситься в обществе, приглашая таких особ, как вы. Есть приглашения и от важных особ и приемы, которые молодым девушкам посещать не полагается.

– Какие именно? – насторожилась Аллегра.

– Например, вечера карточной игры, где ставки очень велики, – улыбнулся Трент. – Говорят, герцогиня Девонширская может проиграть за ночь тысячи фунтов. Вы же не хотите впутаться в подобную историю, тем более что всегда найдутся те, кто будет рад заманить вас в игорные заведения. Вряд ли ваш отец одобрит такое.

– Этот самый сезон кажется мне все более опасным предприятием, – вздохнула Аллегра. – Жаль, что папа не позво-

лил мне остаться дома. Если так уж необходимо выйти замуж, лучшего кандидата, чем Руперт Таннер, трудно сыскать. Он делал мне предложение, но папа и слышать ничего не хочет.

– Младший сын?! Ни в коем случае! – возмутилась леди Эббот.

– Но его отец был бы рад этому браку.

– Еще бы! Женить младшего сына на самой богатой наследнице во всей Англии! Да о такой выгодной сделке можно лишь мечтать! Старый граф Экерли – хитрый лис, он своей выгоды не упустит! Кроме того, жена графа не из тех, с кем хотел бы породниться твой отец, пусть и через детей. Это его вторая жена, и ее происхождение крайне сомнительно.

– Но ты же не любишь Руперта, – поддакнула Сирена. – Сама говорила, что он тебе как брат.

– Да, но мне с ним спокойно, и, кроме того, он во всем меня слушается, – откровенно призналась Аллегра.

Мистер Трент проглотил смешок.

– А теперь поспешите наверх, – скомандовала леди Эббот и, повернувшись к дворецкому, приказала: – Маркер, пошлите лакея к мадам Поль передать, что мы приехали и хотим назначить примерку как можно скорее. Нельзя, чтобы девушек видели на людях в старомодных провинциальных платьях.

– Сию минуту, мадам, – с поклоном ответил дворецкий.

Дамы довольно быстро освоились в доме на Беркли-сквер, а ближе к вечеру, когда все сидели в саду, наслаждаясь последними лучами заходящего солнца, пришел дворецкий с визитной карточкой, которую и протянул леди Эббот.

– Боже милостивый! – воскликнула та. – Разумеется, для леди Беллингем я всегда дома. Немедленно пригласите ее! Девушки, пожалуйста, постарайтесь вести себя прилично. Леди Беллингем – известная в Лондоне законодательница мод и светская львица. Если вы ей понравитесь, то получите доступ в лучшие дома.

– А если нет? – поинтересовалась Аллегра.

– В таком случае ваше появление в свете будет полной катастрофой, дорогое дитя, – ответила за нее появившаяся в саду леди Беллингем, высокая красавица, одетая по последней моде. – Все отчего-то прислушиваются к моему мнению, хотя, честно сказать, сама не пойму, в чем причина. Какживаете, Олимпия? Кажется, прошло четыре года с тех пор, как вы вывозили в свет среднюю дочь? – Леди Беллингем уместила свои пышные формы на мраморной скамье и огляделась. – У Септимиуса лучший садовник во всем Лондоне. Не знаю сада красивее.

Она на секунду смолкла, пытаясь отдышаться, и пронизывающим взглядом окинула девушек.

– Р-рада видеть вас, Кларис, – ответила немного смутившаяся леди Эббот, приходя в себя. – Вы правы, я не была в столице с тех пор, как Аманда представлялась его вели-

честву. Боюсь, в душе я провинциалка. Кроме того, Лондон без моего дорогого мужа потерял для меня всякую привлекательность. Маркер, чай, пожалуйста.

– Наверное, и мне будет недоставать Беллингема, если ему вздумается умереть раньше, – сухо заметила леди Беллингем. – Не хотелось бы уступать свое законное место той безмозглой глупышке, на которой женился мой сын. К счастью, мой милый муженек находится в добром здравии, благодарение Богу! Как поживают Огастес и его Шарлотта? Брак был заключен так поспешно, что все мы гадали... – Она многозначительно подняла брови и добавила: – Словом, вы прекрасно понимаете, о чем все подумали, Олимпия. Однако прошло несколько лет, а она так и не забеременела.

– Мы продолжаем надеяться и молиться, – едва слышно пролепетала леди Эббот. Она совершенно забыла о том ураганном действии, которое обычно производила на нее Кларис Беллингем.

– А теперь представьте меня этим милым созданиям. Кто из них посмелее, а кто потише... Можно подумать, я сама не знаю, – хмыкнула она.

– Это Аллегра Морган, моя племянница.

Аллегра учтиво присела, хотя ее щеки все еще пылали от неловкости. Мало того, что ее неосторожную реплику подслушали, так еще и считают дерзкой!

– Не дочка Пандоры, случайно? Что ж, ничего не скажешь, редкостная красавица. Думаю, она будет иметь огром-

ный успех, как наследница своего отца, – откровенно выпалила леди Беллингем. – Рада познакомиться, мисс Морган.

– Спасибо, мадам, – прошептала Аллегра, краснея еще гуще. Леди Беллингем произнесла имя ее матери. Неужели здесь у всех такая хорошая память? Наверное, так и есть. Странно, что они помнят ее мать, а она – ни чуточки.

– А это моя младшенькая, Сирена.

Сирена, в свою очередь, присела в реверансе и застенчиво улыбнулась.

– Как поживаете, дорогая? – снисходительно спросила грозная леди и повернулась к Олимпии. – Она, вне всякого сомнения, будет украшением сезона. Самая хорошенькая из трех ваших девочек. – И, заметив, как Сирена вспыхнула от удовольствия, подняла брови: – Как, дитя, разве никто вам прежде этого не говорил?

– Нет, мадам.

– Что же, так оно и есть. Я видела и Кэролайн, и Аманду. У старшей чересчур широки плечи, у средней нос чересчур вздернут. Однако обе нашли себе неплохих мужей, хотя, подозреваю, вы сумеете их обскать. Кстати, Олимпия, как насчет ее приданого? Я знаю, насколько скупа и эгоистична Шарлотта и как, должно быть, безжалостно обделяет это прелестное дитя.

– К счастью, Артур оставил деньги на приданое и первый лондонский сезон для Сирены и выделил ей столько же, сколько и старшим дочерям. Сумма более чем достаточная,

уверяю вас, – гордо объявила леди Эббот.

– Не повредит ей и родство с мисс Морган, – кивнула собеседница. – Надеюсь, Септимиус даст бал в их честь? В таком доме только и принимать гостей! Какая жалость, что лорд Морган живет здесь исключительно тогда, когда того требуют дела!

– Мой отец не скуп, мадам, – смело ответила Аллегра. – И разумеется, даст два бала – в честь каждой из нас. Сирене – в начале мая, а мой – в конце. Если желаете знать точные даты, я позову мистера Трента. Он должен знать.

– Аллегра! – простонала леди Эббот.

– Благослови меня Господь, но девочку трудно назвать скромницей, – фыркнула леди Беллингем. – Не ругайте ее, Олимпия. Мне она нравится. Не то что эти жеманные, чопорные мисс, которые до смерти надоели. – Она вновь устремила взгляд на Аллегру. – Попросите Чарлза Трента согласовать со мной точные даты ваших балов, дорогая. В противном случае можете слишком поздно обнаружить, что на эту же ночь назначены более важные приемы и, следовательно, к вам приедет одна шушера, недостойная внимания. Кроме того, вы, разумеется, захотите иметь гостем самого принца-регента. Ничто не придает балу такого успеха, как приезд Принни⁴.

– Чай, миледи? – осведомился Маркер, разливая души-

⁴ Принц-регент, впоследствии Георг IV, правил вместо отца, безумного Георга III, с 1811 по 1820 г.

стый напиток из серебряного чайника.

– Господи, конечно! – отозвалась леди Беллингем. – У Септимиуса лучший чай в городе, как мне сказали. – Она понюхала пар, поднимавшийся из чашечки, и блаженно вздохнула: – О да. Какое чудо!

Леди Эббот даже ослабела от облегчения. Кларис Беллингем одобрила обеих девушек, невзирая на острый язычок Аллегры! Следовательно, успех в обществе им обеспечен!

Подкрепившись чаем, она заметила:

– С вашей стороны так великодушно навестить нас, Кларис. Я не могу вывозить девушек, не обновив их гардероба. Следует с самого начала произвести хорошее впечатление, иначе ревнивые маменьки начнут злословить и по городу пойдут сплетни.

– Совершенно верно! – поддержала ее леди Беллингем. – Первое появление мисс Аллегры и леди Сирены должно быть обставлено со всей пышностью. Надеюсь, вы поручили шитье нарядов мадам Поль?

– Она прислала свою помощницу в Морган-Корт, чтобы снять мерки, – с гордостью сообщила леди Эббот. – Лакей уже отправился к ней, чтобы сообщить о нашем приезде.

Леди Беллингем кивнула.

– Вы уже знаете дату представления ко двору?

– Кларис! Мы приехали несколько часов назад, – слабо улыбнувшись, запротестовала леди Эббот.

– Я немедленно попрошу Беллингема все устроить. Их

необходимо представить одними из первых. Позаботьтесь, чтобы мадам Поль в первую очередь взялась за придворные платья. Я сообщу, когда будет назначен день приема у короля.

— Разве придворные наряды чем-то отличаются от обычных? — спросила Аллегра.

— Да, дорогая. Кринолины обязательны, не говоря уже о изысканных париках с дурацкими украшениями.

— Я никогда не носила парика, — расстроилась Аллегра.

Леди Беллингем улыбнулась:

— И вряд ли будете после представления ко двору. Совершенно зряшный, хотя и необходимый, расход. Правда, я не возьму в толк, зачем это требуется.

— О Боже! О париках-то я и забыла! — вскричала леди Эббот.

— Попросите мистера Трента послать за месье Дюпоном и скажите, что это я рекомендовала его вам. Чарлз знает, что делать, — отмахнулась леди Беллингем.

— Я глубоко ценю вашу неуклонную веру в меня! — воскликнул мистер Трент, выходя в сад, и с улыбкой поцеловал руку гостьи. — Вы, как всегда, великолепны, мадам.

Леди Беллингем весело хмыкнула.

— Какая жалость, что вы — всего-навсего младший сын, Чарлз. У вас все задатки настоящего графа, хоть вы и повеса. Поскольку ваш отец еще жив, есть некоторая надежда, что ваш старший брат хоть немного образумится до его кончины

или сведет себя в могилу пьянством, уступив титул второму брату. Так, вероятнее всего, и будет, – откровенно заметила она.

По лицу Чарлза скользнула едва заметная улыбка.

– Первое мая для леди Сирены, и тридцатое – для леди Аллегры, – предложил он.

Леди Беллингем немного подумала.

– Пожалуй, – кивнула она наконец. – В эти дни какие-то мелкие людишки дают не слишком пышные приемы. Немедленно разошлите приглашения, Чарлз.

– Они уже написаны, – широко улыбнулся управляющий.

– Негодник! – шутливо упрекнула она. – Зачем спрашивать, если вам все известно наперед?

– Потому, мадам, что вам известно больше, чем мне, и я с трепетом ожидал вашего одобрения, – пояснил Трент и поклонился. – Прошу извинить, леди, меня ждут дела.

– Как умно поступил Септимиус, наняв его, – заметила леди Беллингем после ухода управляющего. – Настоящее сокровище, но ни на минуту не поверю, будто способна узнать что-то раньше его. Что за лстивый дьявол! Истинный дамский угодник!

Она снова засмеялась, но тут же стала серьезной.

– Мне известно, что в этом году на балах ожидается появление необычайно большого количества молодых джентльменов и гораздо меньше девушек, чем обычно, так что вы обе окажетесь замужними леди еще до конца сезона. Кста-

ти, я даю бал ровно через десять дней. Он всегда считался официальным открытием сезона. До этого не принимайте ни одного приглашения. Ах эти дурочки, выставяющие себя напоказ в парках! Еще имеют наглость строить глазки джентльменам и хихикать в ладошки! Из тех, кого я видела, ни одна в подметки не годится вашим девочкам! Разумеется, все знают, что они приехали в город, только держите их подальше от посторонних глаз до самого вечера моего бала. Представляете, какой фурор произведет их приезд! – лукаво прищурившись, объявила она. – Вообразите, сколько холостяков они встретят на моем балу! Вот разозлятся любящие мамы! Подумать страшно, как они взбесятся!

– Превосходная мысль, Кларис, – согласилась леди Эббот, – и поскольку вы заверили, что в этом году будет большой выбор женихов, я чувствую себя немного виноватой в том, что использую подобную тактику.

– Черт возьми, тетя, разве это не дьявольски хитро с вашей стороны? – поддразнила Аллегра.

– Дитя мое, откуда подобный язык? – покачала головой Олимпия. – Это так вульгарно! Нет ничего плохого в том, что ты и Сирена несколько необычным образом войдете в тот мир, где вам предстоит провести остаток жизни. Это лучший способ привлечь всеобщее внимание.

– Да! О да! Две первоклассные молодые девственницы с тугими кошельками, готовые идти к алтарю. Делайте ставки, джентльмены! – издевательским тоном провозгласила Алле-

гра.

– Аллегра! – прошипела тетка, зато Сирена хихикнула. Леди Беллинге́м разразилась смехом.

– Она абсолютно права, Олимпия. И все же, дорогая Аллегра, увы, другого способа познакомиться с достойными джентльменами еще никто не придумал.

– Не уверена, мадам, что мне так уж нужен достойный джентльмен, – полушутя отпарировала Аллегра.

– Согласна, с грешниками куда веселее, уж поверьте моему опыту, но мы должны брать в мужья праведников. Ради нас самих. И ради наших семей, – изрекла леди Беллинге́м. – Иногда посчастливится найти необыкновенного мужчину, соединяющего в себе черты и того и другого. Однако они очень редки, дорогая. Не бойтесь, Аллегра Морган, я буду вашей наставницей. И сама буду давать вам советы, ибо знаю все о десяти тысячах избранных – или о светском обществе, как некоторые нас называют. Верьте мне, я смогу благополучно провести вас через все рифы первого сезона. Будем надеяться, он окажется единственным.

– Боюсь, мне в самом деле понадобится рулевой, чтобы провести меня через бурные воды общества, мадам. Я не могу кокетничать или жеманничать. И считаю такие манеры глупыми и бессмысленными. Джентльмен, у которого на уме только карты и скачки, – такой же пустоголовый олух, как и девушка, думающая лишь о нарядах и балах! – горячо вырвалось у Аллегры. – Боюсь, из меня выйдет не слишком

примерная жена.

Леди Беллингем погладила пальцы девушки пухлой белой ручкой в дорогих кольцах.

– Ну-ну, дитя мое. И для вас найдется подходящий супруг, я в этом уверена, – шепнула она и, с трудом подняв свой немалый вес со скамьи, объявила: – Кажется, я непростительно засиделась. Олимпия, проводите меня. До свидания, дорогие девочки. Жду вас у себя на балу.

– Мама говорит, что с ней следует считаться и все в лондонском обществе ее побаиваются, – пробормотала Сирена, глядя вслед удалявшимся женщинам.

– Она станет нам хорошим другом, и, кажется, хоть в этом нам повезло, – проникательно обронила Аллегра.

– Думаешь, она права?

– В чем?

– В том, что каждый человек находит себе пару. А если мы не найдем себе партию до конца сезона? – встревожилась Сирена.

– Вернемся в Лондон через год, – рассудительно ответила кузина. – Мне говорили, что далеко не всем удастся подцепить жениха за один сезон.

– Но в декабре нам будет восемнадцать! – встревожилась Сирена.

– Зато пока еще семнадцать, – смеясь, отпарировала Аллегра. – Ах, милая кузиночка, я совсем не уверена, что так уж хочу замуж. Мы, можно сказать, только что со школь-

ной скамьи. Я мечтаю получше узнать жизнь, повидать мир, прежде чем остепениться и свыкнуться с унылой серостью семейной жизни.

– Зато я хочу замуж! – жалобно воскликнула Сирена. – Матушка не вернется в свой вдовый дом, пока не пристроит меня, а я больше не могу жить вместе с братом! Шарлотта нас не выносит и даже не пытается это скрывать. Терпеть не может матушку и меня и за столом сидит с таким видом, словно мы каждый кусок вырываем у нее изо рта!

– Вряд ли так уж благоразумно выскакивать замуж без оглядки только для того, чтобы избавиться от невестки, – пожала плечами Аллегра. – Если мы не найдем себе мужей в этом сезоне, родная, ты проведешь лето со мной, а осенью я уговорю папу на всю зиму отправить нас за границу. На следующий сезон вернемся посвежевшими, утонченными дамами с богатым светским опытом. Вот увидишь, все джентльмены будут от нас без ума.

– О, Аллегра, ты такая умная! Хотелось бы мне больше походить на тебя, но я и в самом деле желала бы найти мужчину своих грез и иметь собственный дом.

– Поверь, я была бы счастлива, если бы все твои мечты осуществились. Но по-моему, тебе не составит труда обзавестись поклонниками. У тебя безупречное происхождение, чего не скажешь о моем. Папин титул не слишком древний, а скандал с моей матерью наверняка развяжет языки сплетникам, уверенным, что я пошла в нее.

– Зато ты так богата! – чистосердечно заметила Сирена. – Матушка говорит, что деньги твоего отца заткнул рты кулушкам и заставят забыть о чистоте крови.

– О да, только я не хочу, чтобы на мне женились ради отцовского состояния.

– Но в свете неизбежно узнают, кто ты такая, – возразила Сирена.

– Ты права, – задумчиво протянула Аллегра. – Но я надеюсь, что смогу верно судить, насколько человек чистосердечен, и тем самым избежать несчастного мезальянса. Мать вышла за папу без любви, только из-за его денег, иначе почему же она влюбилась в графа и сбежала с ним?

– Возможно, ты и права, – тихо согласилась Сирена. Мать всегда предупреждала ее, что этой теме лучше избегать. Из рассказов леди Эббот она узнала, что Пандора была самой младшей в семье. Красивая, своевольная и донельзя эгоистичная, она всегда делала то, что в голову взбредет. В разводе виновата только она, а лорд Морган – всего лишь жертва, и если Сирена не хочет, чтобы Аллегра страдала из-за поведения матери, не следует мучить ее разговорами о Пандоре и скандале, связанном с ее именем.

Но тут в сад почти вбежала леди Эббот.

– О, дорогие, вы произвели прекрасное впечатление на Кларис Беллинге! Она еще раз меня заверила, что станет вашей покровительницей на время сезона! Ее одобрение – гарантия вашего успеха, – тараторила она, обнимая деву-

шек. — Кроме того, приехала сама мадам Поль со своими помощницами, чтобы лично проследить за вашими примерками. Я ей объяснила, что в первую очередь вам нужны платья для бала у Беллингемов и придворные наряды. Пойдемте скорее!

— Как по-твоему, мадам Поль тоже похожа на воробышка, как мадемуазель Франсин? — прошептала Аллегра кузине, пока обе бежали по главной лестнице в общую спальню.

— Не знаю, — прошептала Сирена. — Должно быть, она куда величественнее! Вспомни, как почтительно отзывалась о ней мадемуазель!

Мадам Поль оказалась высокой сухопарой женщиной с седеющими волосами, черными глазами и очень властной. Не успели девушки показаться на пороге, как она повелительно вскричала:

— Долой платья, мадемуазель! Vite! Vite!⁵

Две молоденькие помощницы мадам поспешно раздели их до сорочек. Модистка, прищелкивая языком, возилась с вроде бы бесформенными лоскутьями ткани, пока леди Эббот, усевшись на стул с высокой спинкой и гобеленовой обивкой, терпеливо выжидала.

— Мадемуазель Морган, — позвала мадам, поманив Аллегру костлявым пальцем, — сюда, пожалуйста! Бесс! Кремовый туалет!

⁵ Быстрее! Быстрее! (*фр.*)

Бесс поднесла ей платье с высокой талией, свободной юбкой, присборенным лифом и короткими узкими рукавчиками с изысканным серебряным кружевом, доходившим до локтей. Подол юбки спускался почти до пола, а поверху нежно серебрились все те же кружева. Круглый вырез был глубже, чем обычно носила Аллегра, и при виде своих юных упругих грудок, вздымавшихся при каждом вздохе, девушка покраснела и нервно подтянула вверх тонкий шелк. Но мадам, строго нахмурившись, хлопнула ее по рукам.

– Сейчас так носят, мадемуазель, – наставительно заметила она.

– Даже молодые девушки? – нерешительно вмешалась леди Эббот.

– Мадам, вы предлагаете новый товар. Неужели не желаете, чтобы его преимущества были видны с первого взгляда? В этом году носят достаточно низкие декольте. У вашей племянницы соблазнительная грудь в отличие от многих, кого я одеваю и кому нужна... определенная помощь, чтобы показать свои прелести в самом выгодном свете.

– Платье и в самом деле прелестно, – мягко заметила леди Эббот.

– Еще бы! Никто, кроме Франсин, не умеет так искусно снять мерку! Мадемуазель, подойдите к зеркалу!

Аллегра во все глаза смотрела на свое отражение. Какой взрослой она выглядит! Никогда еще у нее не было такого ослепительного наряда!

Она поворачивала голову так и этак, восхищаясь собой. Цвет ткани идеально оттенял ее перламутровую, словно светящуюся, кожу. Волосы переливались рыжевато-красными огоньками, глаза казались двумя аметистами.

– Да... – выдохнула она, не промолвив больше ни слова. Но мадам Поль поняла.

– У вас еще будет шаль, кремовая с серебром, тончайшая, как паутинка, кремовые лайковые перчатки до локтей, крохотный ридикюль из серебряной парчи и серебряные же лайковые туфельки. К этому наряду подходит только жемчуг, мадемуазель Морган. Это создаст общее впечатление элегантности и безграничной чистоты.

– Верно, – прошептала Аллегра, не в силах оторвать глаз от зеркала. Интересно, что подумал бы Руперт, увидев ее такой? Наконец она с вопросительной улыбкой повернулась к тетке. Леди Эббот одобрительно кивнула.

Платье осторожно стянули и отложили, чтобы окончательно дошить в мастерской. Настала очередь Сирены. Ее платье оказалось ничуть не хуже, скроенное в том же стиле из бледно-голубой шелковой парчи с узкой сапфирово-синей бархатной лентой на талии и кремовыми кружевами на рукавах. Правда, верхняя кружевная юбка отсутствовала, зато подол на три дюйма вверх был присборен. Сирена взвизгнула от удовольствия и закружилась перед зеркалом.

– Шаль кремового кружева, перчатки до локтя, ридикюль и туфли цвета ленты, и тоже жемчуг, леди Сирена. Об-

щий эффект деликатности и хрупкости, дополняющий облик красавицы блондинки. Вашей маме придется отгонять джентльменов хлыстом, миледи.

Девушки дружно рассмеялись, и даже леди Эббот не смогла сдержать улыбки.

– О мадам! – воскликнула Сирена. – Если все остальное так же великолепно, весь Лондон станет нам завидовать.

Модистка лукаво усмехнулась:

– Несомненно, мадемуазель. Несомненно!

– А как насчет придворных туалетов? – встревожилась леди Эббот.

– Сесиль, принеси кринолины, – распорядилась мадам. – Они такие неуклюжие! Не понимаю, почему ваш король Георг так на них настаивает. Большинство молодых девушек не умеют носить кринолины и, уж конечно, не осмеливаются в них сесть.

– Таков обычай, а король не из тех, кто легко смиряется с переменами.

– Как все мужчины, – бросила мадам Поль, пожимая узкими плечами. – Почему король должен от них отличаться? И кровью истекает, как обычные люди. У меня была возможность узнать это, когда бедному королю Людовику снесли голову с плеч. Благодарю нашего Господа за то, что у меня хватило ума покинуть Францию, прежде чем это случилось.

– Но кто бы тронул известную модистку? Вы никому ничего не сделали, – удивилась Аллегра.

– Я шила исключительно для аристократов, – пояснила мадам Поль. – И работала с сестрой и племянницей. Франсина поехала со мной, но Ортанс отказалась расстаться с родиной. И что же? Ее казнили вместе с другими невинными людьми, преступление которых заключалось лишь в том, что они работали на знать.

– Мне очень жаль, мадам, – вздохнула Аллегра.

– Мне тоже, мадемуазель Морган. Я тоскую по сестре, – призналась модистка, но тут же сухо поджала губы.

– Эти платья должны быть готовы к балу у Беллингемов, – напомнила леди Эббот.

– И тот и другой гардероб будут полностью закончены за два дня до бала, – пообещала модистка, – так что юные леди смогут надеть новые дневные платья и гулять по парку вместе с другими девицами.

– О нет! Они не появятся на людях до начала бала, – возразила леди Эббот.

– Ах, какой умный ход! – хмыкнула мадам Поль, взирая на собеседницу с явным уважением. Очевидно, вдовствующая маркиза не так глупа, как кажется на первый взгляд.

Модистка снова усмехнулась.

Верная своему слову, она вовремя прислала в дом лорда Моргана все готовые заказы. Привезла их мадемуазель Франсин, которая, приказав лакеям разгрузить карету и тележку, представила счет мистеру Тренту и невероятно уди-

вилась, получив наличными всю сумму сразу. Обычно долг удавалось вернуть только к концу сезона, а иногда и гораздо позже. Зачастую модистка не отдавала заказчице придворный наряд, чтобы наверняка получить хотя бы часть суммы.

Мадемуазель с широкой улыбкой удалилась, и швейцар позже клялся, что слышал, как она довольно мурлыкала что-то себе под нос.

Аллегра и Сирена с трудом сдерживали волнение. Все было новеньким, с иголки и таким красивым: дневные и утренние платья, шемизетки из смятого шелка, тонкого полотна и муслина, индийские шали, бархатные плащи, шляпки, дюжина бальных туалетов с туфельками и перчатками в тон, шелковые нижние юбки и чулки, батистовые сорочки. Онор и Дамарис понадобится целый день, чтобы все сложить и развесить.

Леди Эббот посоветовала девушкам хорошенько отдохнуть до бала.

– Как только начнете вести светскую жизнь, у вас совсем не останется времени. Вы уже приглашены на множество балов, карточных вечеров, пикников и утренников. Мистер Трент последнее время только и занимается вашими делами. Вы не находите весьма забавным то обстоятельство, что, хотя никто вас еще не видел, каждый ищет знакомства с вами?

– Меня это пугает, – призналась Аллегра. – Я стала вдруг такой известной только благодаря папиному богатству, и даже будь я уродиной с прыщавым лицом и редкими волоса-

ми, все равно имела бы успех у мужчин. Они меня не знают и не желают знать, какова я на самом деле. Просто стараются подцепить богатую наследницу. Возможно ли в таких обстоятельствах найти человека, который любил бы меня, а не мои деньги? Скорее всего нет. Я должна заключить выгодный брак, только и всего. Но клянусь, что отдам руку тому, кто предложит самую высокую ставку. Однако при этом необходимо, чтобы мы смогли ужиться друг с другом.

– О, Аллегра, что за ужасные слова! – умоляюще прошептала Сирена. Но леди Эббот только вздохнула. Племянница как нельзя точно оценила свое положение.

– Я рада, что ты не питаешь иллюзий, – заметила она. – Однако несмотря ни на что, ты вполне можешь найти хорошего мужа. Очень часто любовь в таких браках приходит позднее, а если нет, думаю, супругам вполне достаточно симпатии и взаимного уважения.

– Какой кошмар! – вскричала Сирена. – Всю жизнь быть связанной только с одним мужчиной! Я этого не переживу!

– Пора стать практичной, дочь моя, – покачала головой леди Эббот. – Как только первый цвет облетит и ты наполнишь детскую своими отпрысками, твой муж скорее всего вернется в Лондон, к любовнице, которую все это время содержал в уютном домике. Таков свет, Сирена. Не все мужчины похожи на твоего дорогого отца или дядю Септимиуса.

Глаза Сирены налились слезами, нижняя губка задрожала, но она ничего не ответила. Что бы там ни твердила ее

мать, она найдет человека, который будет вечно ее любить. Но нет смысла спорить. Мать ничего не поймет, да и никогда не понимала!

Настала ночь первого бала, и без четверти десять вечера роскошная карета лорда Моргана подкатила к крыльцу. Из дверей дома показались лорд Морган и Чарлз Трент в бежевых панталонах с серебряными пуговицами, в темных двубортных фраках, открывающих элегантные жилеты, крахмальные жабо сорочек и красиво завязанные шелковые галстуки. Довершали туалет чулки в черно-белую полоску и черные лайковые туфли с серебряными пряжками. За ними следовала леди Эббот в роскошном шелковом платье цвета сливы. Большой напудренный парик украшали белые страусовые перья, посыпанные золотой пылью и скрепленные бриллиантовой заколкой. Последними шли Аллегра и Сирена в новых платьях. Мужчины усадили дам, сели сами, и лошади тронули.

Добравшись до места, они обнаружили длинную очередь экипажей, медленно продвигавшихся к парадному входу. Как только очередная карета останавливалась перед домом, лакеи поспешно открывали дверцу, опускали подножку и помогали седокам спуститься. В вестибюле очередной лакей принимал плащи мужчин и ретонды дам. Аллегра заметила, что хотя дом и красив, но гораздо меньше отцовского.

Поднявшись наверх, они снова увидели длинную цепочку

гостей, дожидавшихся, пока о них объявят. Наконец Чарлз наклонился к дворецкому и что-то пробормотал.

– Олимпия, вдовствующая маркиза Роули, леди Сирена Эббот! – прогремел тот и, когда Сирена с матерью вошли в бальную залу, объявил: – Лорд Септимиус Морган, мисс Морган, мистер Чарлз Трент!

«Черт!» – подумала Аллегра, когда отец проводил ее к гостям, спешившим представиться хозяевам. Неужели она в самом деле здесь?!

Она неожиданно ощутила на себе десятки любопытных взглядов и, поспешно опомнившись, присела.

– Добрый вечер, леди Беллингем!

– Добрый вечер, дорогая, – ответила хозяйка и познакомила ее с мужем, который благосклонно улыбнулся девушке.

– Дочка Пандоры, не так ли? Но судя по всему, больше ваша, чем ее, Септимиус, – откровенно заметил лорд Беллингем.

– Так и есть, – гордо ответил лорд Морган и с поклоном повел Аллегру к тому месту, где стояли леди Эббот и Сирена.

Аллегра не знала, куда смотреть. Бальная зала показалась ей великолепной. Трудно поверить, что в доме таких размеров может быть столь огромное помещение! Отделанная белой с золотом деревянной резьбой в стиле рококо, зала была невероятно роскошной. На потолке сверкали хрустальные с золотом люстры, в которых горели восковые душистые све-

чи. В дальнем конце виднелась позолоченная галерея в стиле барокко, на которой играли музыканты, одетые в темно-синие бархатные панталоны и такие же фраки. Стены были обтянуты голубой шелковой парчой и увешаны зеркалами. Перед каждым зеркалом стоял позолоченный постамент с большой голубой вазой веджвудского фарфора, полной живых цветов. Паркет был отполирован до блеска. Повсюду стояли бархатные диванчики и позолоченные стульчики с сиденьями, тоже обтянутыми небесно-голубым бархатом. Подняв глаза, Аллегра заметила, что потолок расписан резвящимися херувимами.

Леди Эббот подвела дочь и племянницу к диванчику и велела сесть.

– А теперь, – тихо пояснила она, – подождем, пока пчелы слетятся на цветы, так заманчиво выставленные перед ними.

– Куда ушли папа и Чарлз? – любопытствовала Аллегра.

– Пить или играть в карты с другими джентльменами своего возраста. Танцы – занятие по большей части для молодых людей, – с улыбкой ответила тетка.

Аллегра заметила, что сидевшие вокруг маменьки и компаньонки украдкой бросают взгляды в их сторону, стараясь рассмотреть соперниц и убедиться, в самом ли деле они так красивы, как гласит молва.

– Ну, что ты думаешь? – спросил виконт Пикфорд герцога Седжуика.

– Которая из двух? Я пропустил, когда объявляли их име-

на. Тоненькая блондиночка?

– Нет, брюнетка с большими глазами и надменным поворотом головы. Боже, она и в самом деле ослепительна, Куинт! Не сомневаюсь, что она с достоинством будет носить ваши фамильные драгоценности!

Герцог рассмеялся:

– Мы еще даже не знакомы! Мне, разумеется, нужна богатая жена, Оки, но мы должны подойти друг другу.

– Пойдем скорее! Вдова и моя мать в юности были подругами. Воспользуемся этим счастливым обстоятельством. Ты получишь наследницу, а я умираю от желания поскорее быть представленным этому восхитительному созданию, младшей дочери вдовы.

– Недаром ты так усердно собирал сплетни с самого нашего приезда в Лондон! – поддел друга герцог. Молодые люди устремились к заветной цели.

– Добрый вечер, леди Эббот, – начал Октавиан Бэрд, вежливо кланяясь. – Я виконт Пикфорд. Насколько мне известно, вы были знакомы с моей матушкой, Лорой Боли, когда еще девочками жили в Херефорде.

– Разумеется! – воскликнула леди Эббот. – Позвольте представить мою племянницу, мисс Аллегру Морган. Аллегра, это виконт Пикфорд. Это моя дочь Сирена.

– А я хочу представить вам своего друга Куинтона Хантера, герцога Седжуика, – продолжал виконт. – Кстати, леди Сирена, у вас осталось место в бальной карточке? Не прибе-

режете для меня танец?

Сирена вспыхнула, делая вид, что рассматривает свою незаполненную карточку.

– По-моему, на третий танец еще никто не претендовал, – пробормотала она, поспешно записывая его имя. – Спасибо за приглашение.

– Нет, это вам спасибо, – галантно ответил виконт.

– Седжуик... – задумчиво выговорила леди Эббот. – Ваш отец – Чарлз Хантер, не так ли? А мать – Ванесса Тарлтон?

– Совершенно верно, леди Эббот.

– Мы с вашей матерью дальние родственницы. У нас общий прадед, знаете ли, хотя не помню, с какой стороны.

– Вот как, мадам? – учтиво отозвался герцог. – Не удостоите ли меня танцем, мисс Морган?

– Увы, ваше сиятельство, – вздохнула девушка, – на моей карточке уже не осталось места. Если в этом сезоне мы встретимся снова, обещаю вам последний танец.

Аллегра слабо улыбнулась, и герцог, ни слова не говоря, отошел вместе с виконтом Пикфордом.

– Ты с ума сошла! – прошипела тетка. – Кроме него, тебя еще никто не приглашал! Пойми, он герцог! Сирена по крайней мере притворилась, что хотя и пользуется успехом, все же оказывает виконту любезность!

– Мне не понравился его взгляд, тетя. Словно я лошадь, а он оценивает мои стати! – пожаловалась Аллегра.

– А если он близорук? – отпарировала тетка. – Остается

надеяться, что его не оскорбил такой афронт и он пригласит тебя еще раз. Это все нервы, дорогая. Постарайся успокоиться.

Дамы не замечали, что герцог Седжуик с другого конца залы следит за их оживленной беседой. На его губах играла сардоническая улыбка.

– Она еще не ангажирована ни на один танец, – заметил он другу.

– Как? Сама же сказала, что карточка заполнена! – удивился тот.

– Значит, солгала. Я успел увидеть карточку.

Однако сам он скорее развеселился, нежели оскорбился. Эта сказочно богатая красавица не слишком знатного происхождения посмела ему отказать! Что ж, она заплатит за это и к тому же поймет, откуда исходит наказание.

Куинтон что-то прошептал Оки. Виконт хмыкнул.

– Ты в самом деле этого хочешь, Куинт?

– Между мной и мисс Морган с самого начала не должно быть недоразумений, Оки, – пояснил герцог.

Аллегра сидела рядом с теткой, тщетно ожидая приглашений. Карточка Сирены скоро заполнилась, но танцы уже начались, а Аллегрой, по-видимому, так никто и не заинтересовался. Она сидела застывшая, как камень, в своем изумительном платье, пока соперницы, куда менее привлекательные и хуже одетые, без усталости танцевали. Но когда тетка предложила ей перейти в соседнюю комнату, где был устро-

ен буфет, девушка наотрез отказалась.

– Можешь идти, если хочешь, – отрезала она, высоко держа голову, хотя не знала, куда деваться от стыда.

– Ничего не понимаю! – беспомощно простонала леди Эббот.

– Почему Аллегра не танцует? – возмутилась леди Беллингем, узнав о случившемся.

– Кто-то пустил слух, что ее карточка заполнена, – ответила Сирена, которую очередной кавалер только что подвел к дивану.

– Когда я узнаю, чья мамаша это устроила, – разъяренно воскликнула леди Беллингем, – она сильно об этом пожалеет! Я ее уничтожу! Какая гнусная жестокость!

Музыканты на галерее заиграли менуэт, последний танец этого вечера. Внезапно перед Аллегррой появился герцог Седжуик и вежливо поклонился: само олицетворение светской учтивости.

– Насколько мне помнится, мисс Морган, это наш танец, – заметил он.

Глаза Аллегры широко распахнулись, но в подобных обстоятельствах она просто не могла ему отказать. Неторопливо встав, она протянула герцогу руку. Ее молчание было красноречивее любых слов.

– Ни пенни в кармане – и все благодаря отцу и деду, – прошептала леди Беллингем, как только пара исчезла среди танцующих. – Правда, мне говорили, что поместье осталось

в неприкосновенности, но дом в плохом состоянии. Все же... Все же думаю, что, захоти Аллегра стать герцогиней, она вполне могла бы его получить. Какой оглушительный успех, Олимпия! Нужно учесть все возможности...

– Но я слышала, что он очень гордится чистотой своего рода, Кларис. Вряд ли Аллегра в этом отношении ему подходит, – усомнилась леди Эббот.

– Зато он беден как церковная мышь. Голубая кровь иссякнет, а род прервется, если он не найдет себе богатую жену. В этом сезоне ни одна дебютантка не может сравниться состоянием с Аллегррой. Ее деньги могут купить даже герцога.

– Он ей не понравился, – запротестовала леди Эббот. – Сказала, что он смотрит на нее, как на кобылу, которую собирается купить.

Леди Эббот от души рассмеялась:

– Уверена, что так оно и было, но ведь он спас ее от одиночества, пригласив на последний танец. Ей следует благодарить его за это.

– Думаю, именно герцог и распустил слух, что в ее карточке не осталось места, – призналась леди Эббот приятельнице. – Он первым пригласил ее, а она заявила, будто все танцы уже разобраны. Очевидно, герцог разгадал обман и решил ее проучить.

– Ах, дьявол! – фыркнула леди Беллингем. – Придется пожурить его за такие проделки!

– Аллегра вне себя от гнева, – вздохнула леди Эббот. – Вот увидите, она найдет способ отплатить ему по заслугам.

– В таком случае они друг друга стоят, – отмахнулась леди Беллингем. – Куинтона Хантера так и распирают гордость и высокомерие, но ваша племянница, будучи самой богатой девушкой в Лондоне, никому не позволит ею командовать. Идеальный брак! Олимпия, наша святая обязанность его устроить. В этой зале нет ни единой мамыши, которая не отдала бы дочь нищему герцогу. Главное – не упустить своего шанса! Кстати, на что вы рассчитывали?

– На виконта или графа.

– А получите герцога, дорогая! Уверена, свет только и будет говорить, что об этой свадьбе. И подумать только, что все началось у меня на балу!

Глава 3

Миновал апрель. Зацвела сирень в лондонском саду лорда Моргана, земля покрылась ковром нарциссов, и всем обитателям дома стало очевидно, что, несмотря на все усилия Аллегры избавиться от назойливого поклонника, герцог Седжвик не собирается так легко сдаваться. На каждом балу он танцевал только с ней, пока его настойчивые ухаживания не стали предметом сплетен. Аллегра злилась, но поделаться ничего не могла. Кроме того, на остальных неженатых джентльменов она вообще не обращала внимания. В довершение всего виконт Пикфорд и Сирена безумно полюбили друг друга, и Аллегра осталась совсем одна. У Сирены больше не было времени для кухни, да она к тому же ничуть не возмущалась поведением герцога. Мало того, считала, что Аллегра поступает глупо, не поощряя столь завидного жениха.

Узнав, что девушки собираются на пикник, леди Эббот, с одобрения свояка, пригласила герцога на чай. Когда тот вышел в сад, она в который раз поразилась его мужественной красоте. Дождавшись, пока герцог поцелует ей руку, она пригласила его сесть и без предисловий перешла к делу:

– Последний месяц вы почти не отходите от моей племянницы, ваше сиятельство. Лорд Морган уполномочил меня справиться о ваших намерениях относительно Аллегры.

– Значит, вы считаете меня охотником за приданым, ма-

дам? – холодно осведомился он.

– Нет-нет, упаси Боже! – поспешно уверила леди Эббот. – Мы прекрасно осведомлены о ваших обстоятельствах. Человека вашего происхождения и воспитания вряд ли можно назвать охотником за приданым, но мне довелось слышать из надежных источников, что вы ищете жену. Это так?

Хантер кивнул. В уголках его губ играла легкая улыбка.

– Вы подумывали о союзе с моей племянницей? – без обиняков спросила леди Эббот.

– Да, – так же честно ответил герцог. Его тщеславие тешил тот неоспоримый факт, что ему не пришлось на коленях молить о согласии. Они сами пришли к нему, как и полагалось. Аллегра Морган выйдет замуж за отпрыска самой благородной фамилии во всей стране и станет матерью следующего поколения Седжуиков.

– Вы ее любите? – неожиданно выпалила леди Эббот.

– Нет. Не верю, что любовь может быть основанием для счастливого брака. Мои предки женились по любви, и вы видите, к чему привела их глупость.

– Ваши предки были также заядлыми картежниками, – напомнила Олимпия, гадая, правильно ли поступает.

– Я не играю. Мало того, питаю отвращение к подобному занятию. Если этот брак состоится, обещаю относиться к мисс Морган со всяческим уважением. Кто знает, может, с годами мы и станем питать друг к другу нежные чувства. Кроме того, она получит титул герцогини, не забывайте об

этом.

В саду появился лорд Морган, сопровождаемый Маркером с большим серебряным подносом в руках.

– Поставьте поднос на стол, – велел лорд Морган. – Леди Эббот будет сама разливать чай.

– Разумеется, милорд, – отозвался дворецкий и, выполнив приказ, почтительно удалился.

Лорд Морган взглянул на свояченицу.

– Если я правильно поняла, его сиятельство собирается сделать Аллегре предложение, – тактично заметила она.

– Но у меня есть условия, сэр, – объявил лорд Морган. – Условия, которые вы можете не принять.

– Какие именно?

– Аллегра – моя наследница. После моей смерти она получит все: этот дом, Морган-Корт с двумя тысячами акров, чайные плантации, долю в торговых предприятиях, корабли компании – словом, все. Однако я еще далеко не стар и не собираюсь умирать, поэтому и назначаю ей содержание в размере двухсот пятидесяти тысяч в год. Деньги принадлежат ей, и вы не имеете права их касаться. Мы составим договор, который вы подпишете, хотя никто не должен о нем знать. Вы получите такую же сумму и поклянетесь достойно обращаться с моей дочерью. Она не похожа на тех девушек, которых вы знаете. Аллегра унаследовала мой ум и красоту матери. Насколько я знаю свою дочь, она немедленно вложит почти все деньги в прибыльное дело и получит неплохой до-

ход. Я хорошо ее вышколил. Кроме того, Олимпия обучила ее всему тому, что должны знать женщины. Правда, она не слишком хорошо усвоила дамские премудрости, но в таком случае на что тогда слуги?

– У вашей жены было всего двое детей, – высказал герцог то единственное, что его беспокоило.

– Пандора не хотела иметь больше. Подарив мне сына, она решила, что выполнила свой долг. После ее побега мне стало известно, что она избавилась от трех беременностей, прежде чем родилась Аллегра. Я так и не узнаю, почему она не уничтожила и этого ребенка. Но будьте уверены, моя дочь способна дать вам наследников.

Герцог кивнул. Очевидно, будущий тесть с ним честен. Нужно немало мужества, чтобы заговорить о прошлом. Наверное, лорд Морган очень любит дочь, если решается говорить о подобных вещах с незнакомым человеком.

– У нас с Аллегррой не самые лучшие отношения. Боюсь, она все еще на меня сердится, – признался герцог.

Строгое лицо лорда Моргана смягчилось.

– Вы сыграли с ней злую шутку на балу у Беллингемов, – хмыкнул он. – С тех пор она считает своим долгом вам отплатить. Однако она девочка разумная и увидит преимущества столь выгодного брака. Я постараюсь ей все объяснить, как только она вернется.

– Когда вы предполагаете объявить дату свадьбы? – спросил герцог.

– Насколько я понял, ваше поместье Хантерз-Лейр сейчас не в лучшем состоянии для приема новобрачной. Сначала нужно обновить и отремонтировать дом. Однако я посоветовал бы официально объявить о помолвке в конце месяца, на балу в честь Аллегры. А тем временем вы попытаетесь объявить перемирие, – с улыбкой пояснил лорд Морган.

– Чай остынет, если не разлить его сейчас, – вмешалась леди Эббот. – О, взгляните! Кухарка приготовила восхитительные маленькие сэндвичи с огурцом и лососиной, которые так тебе нравятся, Септимиус!

– Бал в честь вашей племянницы, лорд Морган, был поистине великолепным, – дружески заметил герцог, – а украшения – такими же изящными, как сама леди Сирена. Очаровательная девушка! Мой друг, виконт Пикфорд, собирается предложить ей руку и сердце. Не подумайте, что я вмешиваюсь не в свое дело, но вы сами скоро все узнаете. Оки уж говорил с отцом, и граф в восторге от будущей невестки.

– О, как я рада! – выдохнула леди Эббот. – Сирена всегда хотела обвенчаться в июне. Они поженятся в церкви Святого Георга на Ганновер-сквер в самом конце сезона и скорее всего сразу же покинут Лондон. Ну а я спокойно вернусь в свой осиротевший дом. Пусть он и невелик, но по крайней мере мне не придется терпеть красноречивые взгляды Шарлотты, когда я беру второй тост.

Они еще долго пили чай, прежде чем герцог распрощался.

– Мне лучше уйти до возвращения Аллегры, чтобы вы

успели с ней поговорить перед нашей новой встречей.

– Сегодня мы едем в «Олмэкс», – сообщила леди Эббот.

– Я там буду, – пообещал герцог, склонившись над ее рукой. – Надеюсь, и Аллегра тоже.

С этими словами он откланялся и удалился. Леди Эббот прижала руку к сердцу и негромко охнула.

– Мы своего добились, Септимиус! Аллегра – герцогиня! Такой мастерский ход никому еще не удавался с той поры, как сорок четыре года назад из Ирландии приехали сестры Ганнинг вместе со своим папашей! И Сирена тоже! Мое дитя станет графиней, когда умрет старый Пикфорд!

– Пока еще ни одна из них не пошла к алтарю, и с Сиреной будет куда легче, чем с Аллегррой, – охладил ее восторги зять. – Она хоть влюблена, а я чувствую себя немного виноватым в том, что толкаю Аллегру на брак по расчету. Все же не могу не согласиться с герцогом насчет любви. Стоит лишь вспомнить, куда меня завело это чувство. – Лорд Морган грустно вздохнул. – Но он, похоже, человек неплохой. Я никогда не слышал о нем ничего дурного и думаю, он не будет обижать мою дочь.

– Лучше позаботься о том, чтобы Аллегра его не обидела, – пошутила Олимпия. – Не завидую тебе, Септимиус. Представляю, каким нелегким будет разговор!

– Знаю, – кивнул он. – Как только она вернется, мы потолкуем по душам. С кем она поехала?

– С Сиреной, Пикфордом и, разумеется, с молодым Тан-

нером.

– Не знал, что Таннер в Лондоне, – нахмурился лорд Морган. – У него хватило наглости просить руки Аллегры еще до того, как мы уехали из Морган-Корта. Не нравится мне, что он снова станет за ней увиваться. Его отец не может выбросить из головы мысль женить своего младшего сына на моей дочери!

Небо вдруг затянулось тучами, и стал накрапывать дождик – весенняя погода часто бывает прихотливой и капризной. Лорд Морган и леди Эббот поспешили в дом.

– Когда вернется мисс Аллегра, – велел лорд Морган дворецкому, – попросите ее немедленно прийти в библиотеку.

– Слушаюсь, милорд, – поклонился Маркер.

– И передайте моей дочери, что я у себя, – добавила леди Эббот.

– Да, миледи.

Удобно устроившись в библиотеке, лорд Морган налил себе виски, подвинул кресло ближе к огню и прикрыл глаза. Как ему лучше подступиться к Аллегре? Предстоит нелегкая задача. Правда, у светской женщины должен быть знатный муж. Кроме того, ему известно очень мало браков по любви. Аллегре с детства внушали это. Невеста и жених понимают, что должны как-то уживаться друг с другом, и обычно они стараются как могут, чтобы сделать свою жизнь относительно счастливой. Сам он имел глупость влюбиться в Пандору.

От этого ее предательство ранило еще сильнее.

Он сказал герцогу, будто не знает, почему Пандора не избавилась от ребенка, впоследствии оказавшегося Аллегрой. Но это ложь. Когда-то Септимиус подслушал беседу Олимпии и Пандоры – беседу, не предназначенную для его ушей. Олимпия Эббот угрожала младшей сестре разоблачением, если та не родит ребенка, которого носит в чреве.

– Ты уже расправилась с тремя детьми Септимиуса! – рассерженно кричала она. – Не позволю уничтожить тебе и этого малыша!

– Я дала ему сына! – воскликнула Пандора. – Чего еще вы все от меня ожидаете?

– А если что-то случится с Джеймсом Люсианом? Ты должна родить Септимиусу еще одного ребенка, и он уже зреет в тебе. Не понимаю, как ты могла позволить этой ужасной женщине вырвать троих крошек из твоего тела!

– О, Олимпия, ни к чему драматизировать! Она давала мне какое-то гнусное снадобье, и через несколько часов я избавлялась от этих жалких существ, причинявших мне столько неудобств! Я никогда не разрешила бы старухе Диггумс, этому омерзительному созданию, дотронуться до меня!

– Ты доносишь это дитя, – упрямо повторила сестра, – иначе я расскажу Септимиусу о твоих проделках. Он имеет полное право развестись с тобой, и, клянусь, я поддержу его в этом намерении! Только не думай, будто сможешь провести меня, изобразив выкидыш!

– Но я пропущу охотничий сезон! – раздраженно воскликнула Пандора.

– Мы обе его пропустим, – возразила Олимпия. – Я тоже беременна. Наши дети вырастут вместе, Пандора! Станут друзьями, и ты когда-нибудь порадуешься, что не разделилась с этим малышом.

– Ну, так и быть, – неохотно согласилась Пандора. – До чего же, сестричка, ты беспокоишься о моем муже! Не знай я, как сильно ты любишь своего собственного, наверняка заподозрила бы неладное.

Она ехидно рассмеялась, но Олимпия не сочла нужным отвечать на злобный выпад.

– Какая трагедия, что ты не любишь Септимиуса, – вздохнула она.

– Зато он любит меня, – торжествующе отпарировала Пандора, – и всегда будет любить, что бы я ни сделала. Я согласилась родить последнего ребенка ради него и тебя. Но больше никаких сопляков! После рождения Джеймса Люсиана моя талия увеличилась на дюйм! Не желаю выглядеть, как те жирные грузные хрюшки, которые часами просиживают на балах, не вставая с места! Я никогда не буду старой!

Откровения жены стали тяжелым ударом для Септимиуса. Он не знал, что Пандора к нему равнодушна. Теперь стало ясно, что она не любит никого, кроме себя. Но Олимпия настояла на своем: Аллегра благополучно появилась на свет. А когда дочери не было и двух лет, ее мать сбежала с любов-

ником, итальянским графом Джанкарло ди Росси. Септимус развелся с изменницей, но процедура развода была долгой и нелегкой. К его удивлению, Пандора написала ему, благодаря за полученную возможность вновь выйти замуж. Больше он о ней ничего не слышал, хотя подозревал, что Олимпия переписывается с сестрой. Что ж, у свояченицы всегда было доброе сердце.

По стеклам окон весело забарабанил дождь, и почти одновременно из вестибюля донеслись оживленные голоса. Дверь распахнулась, и вошли Аллегра с Рупертом Таннером.

– О, папа! Ты даже не представляешь, что было! Оки просил Сирену выйти за него замуж! Они помчались наверх, чтобы обо всем рассказать тете. Кстати, ты еще не видел Руперта? Он вчера приехал в Лондон. Зачем ты меня звал?

– Хотел поговорить с тобой с глазу на глаз, – сухо ответил лорд Морган. – Руперт, где вы остановились?

– Аллегра пригласила меня погостить, милорд, – объяснил молодой человек.

– Сожалею, но это вряд ли будет удобно. Уверен, молодой Пикфорд найдет, где вас приютить. Дом его отца последние месяцы больше напоминает мужской клуб. Думаю, что там вам будет куда уютнее.

– Папа!

– Садись, Аллегра, – велел отец.

– Спасибо за совет, сэр, – вежливо откликнулся Руперт. – Надеюсь, мы сегодня увидимся в «Олмэксе»? У вас есть би-

леты?

– Да, – коротко бросил лорд Морган, явно не желая продолжать беседу.

– В таком случае до вечера, – пробормотал молодой человек и удалился, плотно закрыв за собой дверь.

– Как ты можешь отказывать Руперту в гостеприимстве? – рассердилась Аллегра. – Он наш сосед, и я знаю его всю жизнь!

– Сейчас не время для визитов посторонних, – спокойно ответил отец.

– Почему?! – взорвалась Аллегра, гневно сверкая глазами.

– Потому что сегодня днем я договорился о твоём браке с герцогом Седжуиком.

Аллегра от неожиданности растерялась, но тут же сумела взять себя в руки.

– Нет!

– Он без колебаний согласился на мои условия. Это весьма примечательно для столь гордого джентльмена.

– И столь бедного, – огрызнулась Аллегра. – Он охотник за приданым, папа, неужели ты этого не видишь?

– Всякий мужчина, который ищет твоей руки, – охотник за приданым, дорогая моя дочь! Что поделать, я самый богатый человек в Англии. Но у Куинтона Хантера по крайней мере есть что предложить в обмен на состояние. Благороднее его крови не найдешь во всей стране, и он хочет сделать тебя герцогиней. Герцогиней, Аллегра! Твои дети с самого

рождения будут принадлежать к сливкам общества!

– Но все члены этой семьи славятся несчастным пристрастием к азартным играм, папа!

– Он никогда не садится за карточный стол и питает крайнюю неприязнь к подобного рода времяпрепровождению, ибо именно этот порок предков довел его до полного разорения.

– Поэтому обстоятельства вынуждают герцога жениться на мне, – съязвила Аллегра. – На молодой нетитулованной особе сомнительного происхождения. Нет, папа, ни за что! Лучше уж выйду за Руперта Таннера. Он по крайней мере ко мне равнодушен!

– Не будь глупышкой, Аллегра. Я уже отказал молодому лорду Экерли. Не отдам свою дочь младшему сыну! И Сирена права: ты его не любишь.

– Мы сбежим и обвенчаемся тайно, – пригрозила Аллегра.

– В таком случае я лишу тебя наследства и постараюсь, чтобы Руперт и его отец об этом узнали. Уверяю, без денег ты в их глазах потеряешь всю привлекательность. Такова грубая реальность. Разве не я учил тебя, что браки заключаются для того, чтобы обе семьи получили определенные выгоды? Ты поднимаешься выше по социальной лестнице, герцог же взамен получит неплохое приданое. Не такая уж трудная задача – выйти замуж за этого человека. От тебя просто требуется вести себя как леди, каковой ты и являешься, и произвести

на свет наследников. Он дал мне слово, что будет добр с тобой.

Аллегра разразилась слезами.

– Я его ненавижу! – жалобно всхлипывала она. – А он ненавидит меня!

– Согласен, отношения у вас не из лучших, но виновата ты, дорогая, – разумно заметил отец. – На балу у леди Беллингем он пригласил тебя на танец, но, получив отказ, заметил незаполненную карточку и решил тебя наказать. Распустил слух, что ты уже ангажирована на все танцы, чтобы иметь возможность получить хотя бы последний. Ты злишься, потому что не сумела отплатить ему тем же, но я знаю, как взять верх и отомстить!

Аллегра с интересом уставилась на отца.

– Как же именно, папа?

– Стать его женой, дорогая. Хотя я считаю, что Куинтон Хантер сдержит данное мне слово безупречно себя вести по отношению к тебе, самолюбие его наверняка уязвлено. Еще бы: приходится жениться по расчету, чтобы спасти свое имение. И хуже всего то, что он считает невесту ниже себя. Вот тут и кроется твоя не слишком тонкая месть. Что бы он там ни думал, твои деньги уравнивают древность его рода, и ты это сознаешь. Пусть он никогда не смирится с таким положением вещей, но именно это и дает тебе преимущество над мужем. Подозреваю, правда, что однажды, когда вы лучше узнаете друг друга, ты сумеешь залечить раненую

гордость, так чтобы он поверил, будто наконец выиграл затянувшуюся между вами битву.

Слова отца глубоко затронули душу девушки. Аллегра неожиданно улыбнулась:

– О, папа, как же ты умен! Злость затуманила мой разум.

– Мы встречаемся с герцогом сегодня в «Олмэкс румз», – сообщил лорд Морган. – Думаю, мы объявим о вашей помолвке на балу в твою честь.

– А когда свадьба?

– Не раньше осени. Твой новый дом требует немалых переделок. Я прикажу нанять архитектора и на будущей неделе отошлю его в Хантерз-Лейр вместе с рабочими. Тебе придется время от времени наблюдать за тем, как идет ремонт, и выбирать обстановку и отделку. Где бы ты хотела провести медовый месяц?

– Я должна над этим подумать, папа. Пока мне следует привыкнуть к мысли о браке с герцогом Седжуиком, – призналась девушка и, поднявшись, поцеловала отца в щеку. – Прости меня за неуместную вспышку. Можно, я расскажу обо всем Сирене?

– Пока не стоит. Пусть твоя кузина немного порадуетсya своему счастью. Вот необычный брак! Похоже, жених и невеста в самом деле влюблены. Редкостное счастье! – воскликнул лорд Морган.

– А мне, папа, разве не повезло? Подумать только, я стану герцогиней, одной из самых знатных дам света!

– Разумеется, повезло, – заверил ее отец. – У Куинтона Хантера безупречная репутация. Он будет тебе хорошим мужем, дорогая. Постарайся стать ему доброй женой.

– Непременно, папа. После того, как привыкну к своему положению.

– И надень сегодня самое красивое платье, – наставлял лорд Морган свою дочь. – Я позабочусь о том, чтобы у тебя и Сирены были лучшие в мире подвенечные наряды и богатый гардероб. Вы обе делаете честь своим семьям, и я горжусь вами.

– О, папа, что ты будешь без меня делать? – расстроилась Аллегра, но тут же, воспрянув духом, решила: – Как что? Ты должен жениться на тете Олимпии!

Лорд Морган густо покраснел.

– Боже милосердный, Аллегра, что ты несешь?

Аллегра пристально взглянула на отца, который был явно смущен.

– Знаешь, папа, я давно считаю, что ты и тетя друг другу подходите. Она почтенная вдова, а ты пострадавшая сторона в разводе, случившемся много лет назад. Неужели ты действительно хочешь, чтобы она вернулась в свой крохотный пустой домик в Роули и больше не украшала своим присутствием твое жилище? Не стала твоей верной спутницей?

– Ты слишком умна, плутовка, – покачал головой отец. – Должен признаться, что уже подумывал о женитьбе. Но не считаешь ли ты, что, если я сделаю предложение твоей тете,

поползут сплетни?

– Если я что-то и усвоила за этот сезон, папа, так это одно: сплетни поползут в любом случае, даже если ситуация абсолютно невинна. Я, разумеется, никому не скажу о нашем разговоре, но совсем не расстроюсь, если ты в один прекрасный день женишься на тете Олимпии.

– Я счастлив получить твое благословение, – сухо обронил лорд.

Аллегра рассмеялась.

– Пора подумать о том, что именно надеть в «Олмэкс» сегодня вечером, – решила она, поцеловала отца в лоб и, выбежав из комнаты, поднялась наверх к тетке, где уже сидели Сирена и Оки. – Ты довольна, тетя? – осведомилась она, врываясь в комнату. – Сирена подцепила прелестного виконта.

– Аллегра! – вскричала тетка, заливаясь румянцем, ибо племянница ухитрилась прочитать ее мысли. Больше всего ей хотелось поскорее сообщить обо всем Огастесу.

– Вы в самом деле считаете меня прелестным? – усмехнулся виконт Пикфорд. – Меня еще ни разу так не называли.

– Я настаиваю на этом определении! И думаю, что вам и моей кухне очень повезло. Счастья вам на долгие годы!

Сирена ударилась в слезы.

– О, если бы только и ты нашла такое же счастье! – всхлипывала она.

– Увы, дорогая кузина, самой богатой девушке в Англии придется довольствоваться высоким титулом. Так что я не

ропщу. Истинная любовь, как мы все знаем, так же редка, как алмазы на мостовой. А вас, Оки, я хотела попросить об одолжении. Вы позволите Руперту Таннеру остановиться у вас? Папа считает, что приютить его здесь означает дать пищу злословию, особенно еще и потому, что он отказал лорду Экерли в моей руке. Руперт – хороший малый, как вы уже наверняка поняли.

– Разумеется, он может пожить у меня, – кивнул виконт.

– Спасибо, «прелестный», – лукаво усмехнулась Аллегра. – А теперь я иду выбирать наряд для сегодняшнего вечера. Господи, что за невыносимо тоскливое место этот «Олмэкс», несмотря на всю его претенциозность! Обстановка ужасная, паркет плохо натерт, об ужине и упоминать не стоит – правда, туда ходят не для того, чтобы есть, а показать себя.

Послав всем поцелуй, она удалилась.

– Ее поведение иногда бывает просто возмутительным, – пролепетала леди Эббот. – Не знаю, что вы можете о ней подумать, Октавиан.

– По-моему, она очаровательна, мадам, – поспешил заверить пожилую леди виконт. – И раз Сирена так ее любит, значит, и для меня она хороша.

Предмет их беседы впорхнул в спальню, где уже сидела горничная Онор, подшивая отпортившийся подол.

– Что мы сегодня наденем? – с порога спросила Аллегра.

– Это так важно? – удивилась Онор.

– Очень! Невероятно!

– О, мисс, расскажите, в чем дело? – взмолилась горничная.

– Еще рано. Но скоро, Онор, скоро все узнаешь.

Горничная отложила шитье и поднялась.

– Есть одно чудесное платье, которое вы еще ни разу не надевали. – Она подбежала к гардеробу и, порывшись в нем, нашла то, что искала. – Вот смотрите!

Аллегра одобрительно кивнула. Платье с завышенной талией было сшито из «смятого» шелка с широкими розово-кремовыми полосками. Рукава украшали пышные кружевные воланы. Круглый вырез был достаточно низким.

– Мы можем сорвать в саду пунцовые розы в вашу прическу, мисс, – предложила Онор. – И вы наденете ту красивую розовую камею на золотой цепочке, что подарил вам отец, а к ней – жемчужные серьги.

– Мне нужно принять ванну, – решила Аллегра.

– Это правда, что леди Сирена выходит за красавчика виконта, который ухаживал за ней весь сезон? – допытывалась Онор, вновь вешая платье на место.

– Откуда слуги так быстро все узнают? – развеселилась Аллегра. – Меня всегда это поражало.

– Дамарис была в комнате ее милости, когда туда пришли леди Сирена и ее ухажер. Она сразу же обо всем мне рассказала. Вернее, похвасталась. Иногда она слишком нос задира-

ет, эта Дамарис.

– Погоди, скоро и ты будешь мной гордиться, – пообещала Аллегра.

Еще не было десяти, когда они отправились в «Олмэкс» на Кинг-стрит. Как отметила ранее Аллегра, это заведение ничем особенным не выделялось, но для дебютанток считалось обязательным получить туда доступ и заслужить одобрение дам-патронесс. Оно было основано в 1765 году мистером Макколлом, для которого важнее всего была исключительность, так что клуб действительно стал местом для избранных. Во время сезона балы давались по средам. Здесь даже разрешалась игра в карты по маленькой.

Но попасть в «Олмэкс» было непросто. Его дамы-патронессы рассылали избранным специальные приглашения, позволяющие купить билеты в этот светский рай. Большое значение придавалось знатности и богатству, но и они не гарантировали благосклонность дам-патронесс, одной из которых была леди Беллингем. Именно на ее балу остальные патронессы присматривались к дебютанткам и вместе решали, кому позволят бывать в «Олмэксе», а кому доступ туда будет закрыт. Аллегра едва не оказалась в числе отвергнутых, ибо патронессы заметили, что она танцевала всего один танец. Последний.

Взяв с них клятву молчать, леди Беллингем объяснила, что герцог Седжуик, получив отказ, понял, что его не только

обидели, но и обманули, поклялся отомстить и сыграл злую, хотя и остроумную, шутку с мисс Морган.

— Бедное дитя, — посочувствовала леди Маркем. — Седжук красив, как сам дьявол, и так же горд. Разумеется, неопытная девушка могла его испугаться и совершить вполне понятную ошибку.

Остальные дамы согласно закивали, а когда леди Беллингем закончила печальное повествование, единогласно постановили, что дорогая мисс Морган должна получить приглашение заодно со своей хорошенькой кузиной Сиреной Эббот. Олимпия прекрасно понимала, что только благодаря ее приятельнице дочь и племянница были допущены в священный круг завсегдатаев «Олмэкса», и отныне считала себя в неоплатном долгу перед леди Беллингом.

Из разрешенных в «Олмэксе» танцев признавались народные, шотландские рилы, контрдансы, экосезы, котильон и менуэт. Хотя после Французской революции популярность менуэта несколько поблекла, в «Олмэксе» он открывал и завершал все балы. И после каждого танца кавалер был обязан подводить молодую даму к ее матери или опекунке, вежливо кланяться, а если по-настоящему интересовался своим предметом, оставался поболтать.

После первого неудачного бала Аллегра, к своему удивлению, обнаружила, что пользуется большим успехом. Правда, на этот счет она не заблуждалась: состояние отца привлекало к ней поклонников, как мед мух. Некоторые были довольно

приятными, многие ей нравились своим остроумием и блестящим умом. Другие оказались обычными охотниками за приданым, даже не скрывающими своих намерений. В конце концов, девушка с богатым папашей, который недавно обзавелся титулом, должна быть довольна, если на нее обращают внимание знатные джентльмены. Но у Аллегры эти алчные глупцы не вызывали ничего, кроме отвращения. Благородные искатели ее руки сначала терялись, потом возмущались, наконец, искренне оскорблялись, когда девушка, устав от их высокомерия и напыщенности, откровенно над ними насмеялась, а иногда и просто гнала их от себя.

Они прибыли на Кинг-стрит, и швейцар в ливрее с поклоном приветствовал каждого, называя по имени. Усадив женщин, лорд Морган поспешил в игорный зал. Прибывшие маркиз Роули с женой немедленно отыскиали леди Эббот.

– Сирена, дорогая! Что за чудесные новости! – выпалила Шарлотта. – Вы уже назначили дату свадьбы?

– Потихонечко, Шарлотта! – строго потребовала леди Эббот. – Официального объявления о помолвке еще не было. Вы позорите нас всех!

– Я еще не решила, когда буду венчаться, – мягко ответила Сирена. – Думаю, мы с Оки все обсудим, когда он получит одобрение отца.

– Июнь! – обрадовалась Шарлотта. – Из тебя выйдет просто божественная июньская невеста! В церкви Святого Георга, разумеется! А потом мы с Гасси дадим свадебный зав-

трак в вашу честь!

– Если Сирена решит выйти замуж в июне, – вмешалась леди Эббот, – уверена, что Септимиус сам захочет дать завтрак. Что ни говорите, дорогая, а его дом лучше подходит для таких торжеств, чем ваша тесная лачужка.

С лица Шарлотты исчезла улыбка. По-видимому, уязвленная столь откровенным пренебрежением, она решила обратить оружие против Аллегры.

– По-прежнему не везет? – пробормотала она с деланным сочувствием. – Недаром говорится, что не все купишь за деньги.

Но Аллегра только рассмеялась.

– Не говорите чепухи, леди Шарлотта. Так считают те, у кого никогда не было больше шиллинга в кармане! К концу сезона объявят и о моей помолвке, – заверила она, приторно улыбаясь жене кузена.

– Представить не могу, с кем это? – прошипела Шарлотта.

– Добрый вечер, леди Эббот, леди Сирена, мисс Морган, – раздался голос герцога Седжуика. – Гасси, леди Шарлотта...

Он отвесил галантный поклон.

– Добрый вечер, ваше сиятельство, – ответили хором все присутствующие, кроме Аллегры. Та была слишком занята, впервые как следует изучая человека, женой которого предстояло ей стать. Что же, внешность впечатляющая, но характер не из приятных, и, кроме того, он сноб.

– От своего друга, виконта Пикфорда, я узнал о готовя-

щемся торжестве. Поздравляю, леди Сирена.

Сирена, мило покраснев, едва слышно прошептала:

– Спасибо, ваше сиятельство. А... Оки с вами?

– Отстал всего на несколько шагов, леди Сирена, – заговорил герцог и обратился к Аллегре: – Мисс Морган, позволите...

Он взял у нее карточку и крошечным карандашиком написал свое имя в первой и последней графах.

– И вы, разумеется, разрешите проводить вас к ужину?

– Разумеется, милорд, – покорно ответила Аллегра, приседая.

Он пристально взглянул на нее и, заметив пляшущие в глазах лукавые искорки, засмеялся, поцеловал ей руку и удалился.

– Вот как! – злобно усмехнулась Шарлотта. – Не удивляюсь, что подобные люди уделяют внимание мисс Морган!

– Какие именно, мадам? – ледяным тоном осведомилась Аллегра.

– Всем известно, дорогая, что у него гроша ломаного за душой нет! Он ухаживает за вами только из-за денег лорда Моргана! Зря вы питаете девичьи иллюзии относительно герцога! Несмотря на все свои претензии, он кажется мне грубым и бездушным. Ни настоящего воспитания, ни утонченности, ни достойной внешности. Говорят, он живет в одной комнате своего дома, а остальные постепенно приходят в упадок.

– Но богатая жена быстро исправит положение, не так ли? – вкрадчиво спросила Аллегра.

– Он женится на вас ради приданого, если только смирит свою гордыню и пойдет на такой мезальянс, – продолжала Шарлотта.

– А я выйду за него, чтобы в обмен на отцовское золото стать обладательницей самого высокого титула, – отпаривала девушка.

– Как вы вульгарны и неделикатны! – вскричала шокированная маркиза.

– Вздор, мадам! Разве вы вышли за моего кузена не из-за титула? Ведь маркиз выше графа! Как маркиза Роули вы можете с презрением взирать на свою маму, золовку и сестер! Какой неслыханной удачей был, наверное, для вас этот брак! Почему же я не могу последовать вашему примеру и получить те же преимущества? – с улыбкой заключила Аллегра.

Сирена, открыв рот, молча моргала, потрясенная прямой кузины. Леди Эббот серьезно подумывала о том, чтобы упасть в обморок. Шарлотта наконец лишилась дара речи, а маркиз Роули закатился смехом.

– Что за веселье? – осведомился виконт Пикфорд, присоединяясь к компании.

– Аллегра только что как следует отчитала мою женушку, – преспокойно ответил Огастес. – Слишком долго объяснять. А вот и музыканты настраиваются! Скоро начнутся танцы. Поздравляю, дорогой Оки, и можете быть уверены в

моем благословении. Моя младшая сестричка будет вам идеальной женой. Да и вы станете ей примерным мужем.

– Непременно, Гасси, – поклялся виконт Пикфорд будущему шурина.

Прозвучали первые ноты менуэта, и граф Седжуик мгновенно появился и протянул руку Аллегре. Они танцевали слаженно, но молча. Аллегра думала о том, что Шарлотта ошибается. Куинтон Хантер необычайно красив!

Внезапно осознав, что и он смотрит на нее, она опустила глаза.

«Красота и богатство», – думал он. Что ж, он сумел добиться большего, чем предполагал. И теперь выкупит всех своих лошадей!

Подводя Аллегру к тетке, он тихо спросил:

– Ваш отец говорил с вами, мисс Морган?

– Да, и, учитывая обстоятельства, вам вполне дозволяется называть меня по имени.

– Я приду перед ужином, Аллегра, – кивнул он и с поклоном отошел.

Она танцевала с целой вереницей молодых людей, большинство из которых молили чужь, пытаясь заслужить ее благосклонность. Одним девушка улыбалась, на других не обращала никакого внимания. Ей вдруг захотелось побольше узнать о человеке, за которого ей велят выйти замуж. Аллегра почти обрадовалась, когда в полночь музыканты отложили инструменты и герцог Седжуик вернулся, чтобы побыть

в ее обществе.

– Я не хочу ничего, кроме лимонада, – объявила она. – Лимонад здесь довольно сносный.

– В отличие от вина, – сухо отметил он. – Так что будем пить лимонад.

С бокалами освежающего напитка они нашли уединенную скамью в маленькой нише и уселись. Оба долго молчали.

– Вы довольны, что станете герцогиней Седжуик? – спросил он наконец.

– Если вас устраивает такой брак.

– Вижу, вы практичны.

«Или попросту холодна?»

Аллегра вздохнула:

– Мой отец любил свою жену. Она же вышла за него только ради денег, но в один прекрасный день влюбилась в другого и сбежала, оставив мужа и детей. Я ее не помню, а вот мой брат помнил. И все твердил, что мать была очень красива, но эгоистична. Только от своего отца я видела родительскую любовь. Я ничего не знаю о чувствах, что вспыхивают между мужчиной и женщиной. Всю мою жизнь я только и слышала, что, хотя поступок моей матери был недопустимым и непростительным, все же в нем не было ничего необычного. И что браки заключаются только для того, чтобы улучшить положение обеих семей. В нашем случае вы женитесь на мне ради денег и огромного наследства, которое когда-нибудь достанется мне от отца. Я выхожу за вас, потому что получаю

титул и высокое положение. Причины такого союза разумны и прагматичны. В отличие от матери я люблю детей и буду счастлива дать вам наследников. Обещаю вам свои неизменные уважение и верность. Обман не в моей натуре, ваше сиятельство.

Герцога потрясли откровенные речи девушки. Она была предельно честна с ним, и его долг ответить ей тем же.

– Я происхожу, – признался он, – из семьи мужчин и женщин романтического склада. Отец, дед и все мои предки женились и выходили замуж по любви и были очень счастливы. На беду, мужчины нашего рода были одержимы пагубной страстью к игре в карты. Более того, если любимая женщина умирала, они начинали пить. Мое имя – одно из старейших в Англии, а род – самый знатный. Но, Аллегра, у меня нет и шиллинга. Я женюсь, чтобы восстановить фамильное состояние. Мне пришлось продать лучших племенных кобыл, чтобы поехать в Лондон на этот сезон. Я действительно женюсь на деньгах, но обещаю быть вам хорошим мужем. По натуре я вовсе не тиран.

– В таком случае, ваше сиятельство, мы прекрасно поняли друг друга, – кивнула Аллегра и пригубила лимонад, чтобы освежить пересохшее горло: она слишком нервничала, хотя умудрялась скрыть свое состояние.

– Меня зовут Куинтон, – спокойно поправил он.

– Куинтон, – тихо повторила она. По ее спине пробежал озноб, пугающий и вместе с тем приятный. – Я думала, –

продолжала Аллегра, – что мы могли бы пожениться осенью, но, с вашего разрешения, я буду наезжать в Хантерз-Лейр, чтобы следить за ходом работ. Если наша свадьба состоится в начале октября, в ноябре мы сумеем пригласить ваших друзей на охотничий сезон.

– Откуда вы знаете, что я страстный охотник? – удивился герцог.

– Всем известно, что Хантерз-Лейр знаменит своими охотничьими угодьями. Сама я, однако, не охочусь. Терпеть не могу убивать животных, поэтому я буду развлекать гостей. Не ждите, что я стану носиться по округе в погоне за бедной лисой и одновременно пытаться удержаться в дамском седле. Поверьте, Куинтон, дамские амазонки – это настоящая ловушка. Широкие юбки так и тянут вниз! Я обычно езжу верхом в мужских бриджах. Надеюсь, вас это не шокирует? Тетя Олимпия утверждает, что все джентльмены негодуют при виде женщины в мужском седле.

– У вас красивые ноги, Аллегра? – поддразнил он.

– Со временем вы сами сможете судить об этом, Куинтон, – кокетливо улыбнулась она, – но в любом случае я буду ездить по-мужски.

Герцог невольно рассмеялся.

– Вы очень откровенны!

– Меня уже не переделать, – пожала плечами девушка.

– И это неплохо, – ответил Хантер. – Значит, у нас не будет тайн друг от друга. Расскажите о Руперте Таннере.

– Мы выросли вместе, – пояснила она, удивленная столь странным вопросом.

– Он утверждает, что хочет на вас жениться.

– О, это затея его отца, – усмехнулась Аллегра. – Руперт – его младший сын. Когда мой отец заявил, что я должна ехать в Лондон и там найти себе мужа, мы с Рупертом решили объявить, что хотим пожениться. Таким образом я бы вышла замуж за известного мне человека и не пришлось бы покидать родительский дом. Разумеется, отец Руперта был в полном восторге от такого предложения, а вот мой заупрямился. Я не люблю Руперта, да и он ко мне равнодушен. Между нами не было никакого уговора, ни официального, ни негласного.

– В таком случае лорд Морган может объявить о нашей помолвке через две недели, на балу в вашу честь. Через несколько дней вы будете представляться ко двору, насколько мне известно?

– Да. Мне велено надеть ужасное платье с гигантским кринолином и сделать совершенно безобразную прическу. Я буду сверкать бриллиантами и другими драгоценностями, как некий языческий идол, и не смогу ни есть, ни пить за несколько часов до этого события. Говорят, что в таком туалете невозможно отправлять самые естественные потребности. Неужели старый король действительно стоит таких усилий, Куинтон?

– Вам, как моей будущей жене, чрезвычайно важно представиться королю Георгу и королеве Шарлотте, – спокойно

ответил герцог. – Кроме того, с вами будет леди Сирена.

– Но до моего бала никто ни о чем не узнает, – вздохнула Аллегра. – Я не хочу никому говорить, чтобы дать Сирене время погреться в лучах своего успеха. Мы оба знаем, что любое упоминание о нашей помолвке сразу затмит все события нынешнего сезона, а это несправедливо.

– Согласен, – ответил Куинтон, подумав, что, несмотря на гордость и непомерное богатство, у этой девушки доброе сердце.

Это открытие его почему-то обрадовало. Похоже, они прекрасно поладят!

– Когда вы приедете в Хантерз-Лейр? – осведомился он.

– Сначала я должна заехать домой. Ждите меня в начале июля. Поскольку вы пока не в состоянии принимать гостей, я возьму с собой только горничную. Уверена, что соседи немедленно начнут сплетничать, но, поскольку мы уже будем обручены и назначим день свадьбы, вряд ли меня это тронет. Думаю, и вас тоже.

– Вы рассудительная девушка, – похвалил он и, взяв ее за руку, заглянул в фиалковые глаза. – Я уже успел получить разрешение вашего отца и поэтому хочу спросить: вы выйдете за меня, Аллегра?

– Да, Куинтон, – твердо ответила она, радуясь, что он не слышит громкого стука ее сердца. – Для меня большая честь стать вашей женой.

Глава 4

В ночь на тридцать первое мая все деревья на Беркли-сквер были украшены яркими бумажными фонариками, превратившими всю округу в волшебную сказку. Карета за каретой медленно въезжали на площадь с широких улиц, и седуки по полчаса ждали очереди, чтобы оказаться у крыльца дома Морганов. Там их встречали многочисленные лакеи в черных с серебром ливреях, помогавшие гостям выйти из экипажа. У дверей ждал статный дворецкий. Другие лакеи провожали господ на второй этаж, где дам приглашали освежиться в большой гардеробной. Такая же комната была приготовлена для джентльменов.

Выходившие из гардеробных гости следовали в бальную залу, в дверях которой стояли хозяин с дочерью, приветствуя вновь прибывших. Их имена объявлял могучий дворецкий с гулким голосом, звеневшим в каждом уголке дома. Поднявшись на две ступеньки, они попадали в залу, где уже толпились самые блестящие представители лондонского света.

Никто не отказался от приглашения на бал мисс Морган. Говорили, что приедет сам Принни, а всего несколько дней назад распространился волнующий слух, что на балу будет объявлено о помолвке мисс Морган, хотя имени жениха никто не знал. Ее постоянно видели в обществе кузины, Сирены Эббот, виконта Пикфорда и их приятелей. На посто-

ронний взгляд, она никому не отдавала предпочтения, так что, если в слухах и была хоть капля правды, тайна все равно осталась неразгаданной.

Леди Беллингем в модном бальном платье цвета полуночного неба, с серебряной отделкой, гордо взирала на собравшихся. Они с мужем были единственными гостями, приглашенными на ужин перед балом. Разумеется, вдовствующая маркиза Роули с дочерью, сыном и глуповатой невесткой тоже присутствовали, но ведь они были родственниками, а вот каким образом за столом оказался герцог Седжуик?! Леди Беллингем сгорала от любопытства, поскольку до нее тоже донеслись слухи о помолвке Аллегры Морган.

– Септимиус, – прошептала она вопросительно, скосив глаза на Куинтона.

– Вы первая все узнаете, Кларис, – тихо ответил он. – Даже родным еще не сообщили. Я и ужин устроил именно для того, чтобы объявить о радостном событии. Вы довольны?

– Еще бы! – обрадовалась леди Беллингем. – Ванесса Тарлтон, мать Куинтона, приходилась мне кузиной. Она старшая дочь маркиза Руффорда. И приданое у нее было такое, которого постыдилась бы даже дочь фермера. Но Чарлз Хантер безумно в нее влюбился с первого взгляда. Прелестное было создание эта Ванесса. Умерла, когда Куинтону было одиннадцать, а его брату Джорджу – шесть. Родила недоношенную девочку и отдала Богу душу. Ребенок скончался несколько часов спустя. Малышку положили в объятия ма-

тери и похоронили обеих в одном гробу. Ужасная трагедия! Чарлз допился до смерти после того, как проиграл то небольшое, что у него оставалось. Старый Руфффорд позаботился об образовании внуков, но он сам был небогат, а почти все его состояние и имение отчуждалось в пользу его старшего сына и наследника. Моя мать была младшей сестрой Руффорда. Квентин горд и благороден, Септимиус.

– Я так и понял, судя по тому, как он ведет себя с Аллегррой. Все это время он был неизменно добр и деликатен с ней. Аллегра, разумеется, никогда этого не признает, но она очень волнуется, сумеет ли стать достойной титула герцогини Седжуик.

– И напрасно! Ваша девочка, Септимиус, прекрасно справится со своими новыми обязанностями, и могу заверить, из нее выйдет истинная герцогиня, – с ободряющей улыбкой заверила леди Беллингем. – Какая удача, Септимиус! Завтра весь Лондон будет гудеть слухами!

И вот сейчас леди Беллингем сидела с самодовольной усмешкой, предвкушая фурор, который произведет в свете сообщение о помолвке. О да, все будут вне себя от изумления! Разумеется, некоторые начнут злорадствовать, утверждая, что герцог женится на деньгах, и так оно и есть. Ее деньги в обмен на его титул. Зато Аллегра Морган будет герцогиней. Женой одного из самых родовитых людей Англии. Куинтон Хантер приехал в Лондон без особых надежд на успех и, слава Богу, сорвал лучший цветок в саду дебю-

танток. Да и его друзья тоже не промах. Молодой Пикфорд сделал предложение милой Сирене. Граф Астон обручился с Юнис, средней дочерью нынешнего маркиза Руффорда, а Кэролайн Беллингем, племянница леди Беллингем, ухитрилась поймать в свои сети лорда Уолворта. О да, сезон и впрямь был на удивление удачным.

Оркестр на возвышении внезапно заиграл туш, и в комнату торжественно вплыл Принни в паре с Аллегрой. Лорд Морган кивнул музыкантам, и прозвучали первые такты менуэта. Принц поклонился Аллегре. Она изящно присела, открывая бал вместе со своим тучным партнером. Тот двигался на диво легко, и, когда музыка смолкла, гости разразились оглушительными аплодисментами. Принц Георг, известный под прозвищем Принни, в то время мог считаться привлекательным. Его светлые волосы, голубые глаза и розовые щеки нравились многим дамам. С Аллегой они составляли прекрасную пару. Принц проводил партнершу к лорду Моргану и величественно наклонил голову.

– Благодарю, ваше высочество, – пробормотала Аллегра, снова делая реверанс.

– С позволения вашего высочества, – добавил лорд Морган, – я должен сделать объявление.

– О ее помолвке? – с жадным любопытством спросил Принни, указывая на Аллегру. Лорд Морган с улыбкой кивнул. Принц был немного ребячлив и обожал тайны.

– С герцогом Седжуиком, – тихо добавил лорд Морган,

решив ублажить принца-регента.

– Неужели? Прекрасная партия для мисс Морган и еще более выгодная – для Седжуика. Поздравляю жениха и невесту. Седжуик, – обратился принц к герцогу, – теперь, когда вы получили чертовски большое состояние, пора становиться игроком! Подумать только, мало того что красавица, да еще и богатая!

Он довольно хмыкнул, словно этот союз был устроен исключительно его усилиями.

– Итак, Морган, делайте поскорее свое объявление, чтобы можно было наконец сесть за карточный стол!

Лорд Морган снова кивнул музыкантам, игравшим негромкую лирическую мелодию, и, ступив на возвышение, провозгласил:

– Милорды, леди и джентльмены, имею честь и удовольствие объявить о помолвке моей дочери Аллегры с Куинтоном Хантером, герцогом Седжуиком.

По залу прокатился гром аплодисментов, но, прежде чем гости бросились поздравлять жениха с невестой, музыканты заиграли быстрый шотландский танец, и собравшимся пришлось пуститься в пляс.

Сирена, ускользнув от жениха, отвела кухню в сторону.

– Почему ты мне ничего не сказала? – возмутилась она. – Раньше у нас не было секретов друг от друга.

– Хотела, чтобы вы с Оки все это время наслаждались всеобщим вниманием. Признайся я, что обручена с герцогом,

об этом наверняка немедленно узнал бы весь Лондон.

– Когда он сделал тебе предложение? – взволнованно прошептала Сирена.

– Герцог с отцом пришли к соглашению несколько недель назад, а потом он поговорил со мной.

– Ты его любишь?

Милое личико Сирены было встревоженным.

– Я едва его знаю, – пожала плечами Аллегра.

– Как же можно выйти замуж за едва знакомого человека? – едва не заплакала Сирена.

– Моя дорогая романтичная кузиночка, он – герцог Седжуик. Как же можно за него не выйти?!

– Какой холодный расчет! – воскликнула Сирена, глаза которой мгновенно увлажнились.

– Нет, обыкновенный расчет. Я должна выйти замуж, дорогая. На таких, как я, женятся только из-за денег. Да я и не верю ни в какие пылкие чувства. Правда, ты и Оки женитесь по любви, но в нашем кругу это почти недоступная роскошь. Уверяю тебя, я вполне довольна своей участью.

– Как я – своей, – подтвердил герцог, присоединяясь к ним. – Пожалуйста, леди Сирена, не стоит так расстраиваться. Обещаю вам заботиться об Аллегре.

– Пойдем, радость моя, я хочу танцевать, – попросил виконт Пикфорд. – Если мы так и будем стоять, поползут слухи и эти девицы объявят на меня охоту, а все по твоей вине, – пошутил он, увлекая Сирену за собой.

– Она очень вас любит, – заметил герцог.

– И я ее, – кивнула Аллегра, беря его под руку. – Наверное, нам стоит последовать их примеру, милорд.

– Я не люблю танцы.

– Я тоже, но это мой бал, и не стоит давать пищу злословию. Представляю, что будут болтать, если мы не присоединимся к танцующим.

– До чего же вы рассудительны, Аллегра! Очевидно, привыкли соблюдать приличия? Вы и в самом деле разумная девушка. Гораздо больше похожи на отца, нежели на мать. Что ж, это хорошо. Зато вы не влюбитесь в другого и не покинете меня.

– Но вы можете влюбиться в другую и покинуть меня, – возразила она.

– Я не верю в любовь, – честно признался герцог. – Любовь приводит к большим бедам и неприятностям, чем отсутствие денег. Поскольку, женившись на вас, я стану богатым человеком, не обремененным химерами любви, вряд ли я когда-нибудь вас оставлю, Аллегра.

– Вы можете изменить свое мнение, когда я примусь восстанавливать Хантерз-Лейр, – поддела его она. – Судя по тому, что я слышала, ремонт будет стоить целого состояния.

Герцог засмеялся.

– Я люблю свой старый дом, но признаю, что им давно пора заняться. Можете делать с ним все, что пожелаете, дорогая. Он ваш. Только оставьте парадную залу для охотничьих

вечеринок.

– Согласна, – с улыбкой кивнула Аллегра. – А теперь пойдем танцевать, и пусть все нам завидуют.

– Я и не подозревал, мисс Морган, что вы настолько тщеславны! Трудно ожидать такого от строго воспитанной девушки, но думаю, что тщеславие – не такое уж плохое качество.

– У нас впереди целое лето, чтобы лучше узнать друг друга, – напомнила Аллегра. – Надеюсь, мы уживемся. Наш брак будет куда крепче, если мы сумеем стать друзьями.

Потом Куинтон долго думал об этой фразе. Ничего не скажешь, Аллегра и вправду практична, но он чувствовал в ней некую уязвимость, о которой сама она, похоже, не подозревала. Несмотря на ум, образованность и проведенный в столице сезон, в душе она все еще была невинна. Ему отчего-то вдруг захотелось защитить Аллегру от всяческих бед.

Герцог улыбнулся. Ни одному мужчине не устоять перед женскими чарами. Когда в начале вечера он подарил своей невесте кольцо с аметистом в оправе из бриллиантов, она едва не взвизгнула от радости, но вовремя удержалась. Эта детская радость тронула и позабавила Седжуика.

– Какое красивое! Но разве вам по карману подобные вещи? – встревожилась она.

– Это фамильная драгоценность, – успокоил Аллегру герцог. – Одна из немногих, что не ушли за карточные долги. Я выбрал это только потому, что темно-лиловый цвет камня

напоминает о ваших глазах.

Девушка от удивления приоткрыла рот, но, тут же опомнившись, поспешно заметила:

– Какой прелестный комплимент, милорд!

Она вытянула руку, любуясь подарком. Герцог поцеловал ее тонкие пальчики.

– Пусть я и не влюблен в вас, Аллегра, но такой красавице совсем не трудно говорить комплименты. Они сами слетают с уст.

– Жаль, что у меня не было такого кольца, когда я представлялась королю. Все остальные девицы, особенно те, кто задирали передо мной нос, позеленели бы от зависти.

– Вы и без того были безупречны, особенно ваш реверанс. Остальные в подметки вам не годились. Ваши манеры поистине достойны герцогини Седжуик.

– Удивительно, как это я не опрокинулась в этом смехотворном наряде! А юбки! Приходилось протискиваться в двери боком. Когда я кланялась, то едва не уселась на паркет со всего размаха! А вырез, по нынешней моде, был таким глубоким, что король Георг наверняка увидел мою грудь до самой талии! Правда, он не возражал против такого зрелища. Что же до парика, который пришлось надеть, поверите ли, Куинтон, он весил как карета, запряженная четверкой! Я думала, у меня шея сломается под такой тяжестью!

– А мне показалось, что голубки, трепещущие крылышками среди бриллиантов, – поистине поэтический штрих, –

возразил он, весело блестя глазами.

Аллегра засмеялась.

– Клянусь, сэр, если бы было возможно посадить в прическу живых птиц, некоторые амбициозные мамы немедленно так и поступили бы. Предпочитаю простоту в одежде.

«Как то платье, которое она надела сегодня», – подумал он, когда они гордо выступали в последнем за вечер менюэте. Платье с высокой талией из кремового дамасского шелка с верхней юбкой из прозрачного золотого газа сидело на Аллегре идеально. Из-под подола выглядывали крошечные золотые туфельки, в темных локонах сверкали ленты из золотистой парчи. На шее и в ушах переливался жемчуг. Несмотря на кажущуюся простоту, туалет выглядел пышно, но в то же время элегантно. Вглядевшись в невесту пристальнее, герцог, пожалуй, впервые понял, как она прекрасна. Он и раньше замечал ее красоту, да и все ему об этом твердили. Целый вечер он слышал от поздравителей одно: богата и красива. Но самому ему в голову не приходило взглянуть на Аллегру поближе.

Личико сердечком, прямой, чуть вздернутый нос, густые черные брови – памятка о валлийских предках, огромные блестящие темно-лиловые, как фиалки, глаза, обрамленные пушистыми ресницами. Нижняя губка полнее верхней... Чувственный рот манил к поцелуям, и Куинтону вдруг захотелось припасть к нему. Для девушки она, пожалуй, высоковата, но при его росте это не имеет значения. Малень-

кие руки и ноги, стройная фигура, восхитительно округлая грудь. Должно быть, одно такое зрелое яблочко прекрасно поместится в его ладони.

Именно в эту минуту Куинтон представил Аллегру в постели. Честно говоря, он раньше не думал о подобных вещах. Что он будет делать с женой? Она, разумеется, девственна. У него никогда раньше не было девственницы. То, что он ее не любит, ничуть его не беспокоило. Да, он не хранил целомудрия, но во всех случаях речь о любви не шла. Однако на этот раз все по-другому. Аллегра станет его женой. Сможет ли мужчина любить женщину, которой овладел? Сумеет ли жена пробудить в нем желание? Или страсть остынет так же быстро, как вспыхнет? Но как разжечь страсть в невинной девушке? С ней придется быть нежным и бережным.

– Танец закончился, Куинтон, – неожиданно услышал он голос Аллегры. – Пожалуйста, опомнитесь, милорд, иначе все сплетники начнут уверять, что вы обезумели от любви. О чем только вы думаете?

– О том, как я возьму тебя, – вырвалось у герцога, и, к своему величайшему удовольствию, он увидел, как краска бросилась ей в лицо.

– Ох! – выдохнула она, встревоженно прикусив нижнюю губку. – Об этой стороне супружеской жизни я и не подумала.

Когда гости разъехались, он повел ее на террасу, выходяв-

шую в сад, усадил на мраморную скамью и сжал маленькую ручку.

– Ты сказала, что хочешь иметь детей, Аллегра.

– Разумеется, – кивнула она.

– В таком случае мы должны будем на деле осуществить наш брак, дорогая, иначе никаких детей не получится, – объяснил герцог, надеясь, что такая откровенность не испугает и не шокирует ее.

– Я не настолько глупа, Куинтон, – резко ответила Аллегра, – и знаю, как зачинаются дети. Нужно быть совершенной идиоткой, чтобы оставаться в неведении относительно этого. Любой девушке все известно, даже если приходится делать непонимающее лицо!

– Но ты сама... – начал он.

– Я сказала, что еще не думала об этой стороне нашего брака, и так оно и есть, но вполне понимаю, что ее не избежать, – усмехнулась Аллегра. – Не торопите меня, сэр. Меня еще ни разу не целовали.

– Это я исправлю, и немедленно, – пообещал герцог, коснувшись ее губ кончиками пальцев. Аллегра широко раскрыла глаза, но Куинтон уже обнаружил, что ее губы нежнее лепестков розы, и осторожно коснулся их своими губами. Она застенчиво ответила на поцелуй, и сладость ее рта ошеломила его, потрясла, вскружила голову.

– Очень мило, – шепнула она, тяжело дыша. – Вы хорошо целуетесь, милорд? Видите ли, это мой первый поцелуй, так

что простите мое желание узнать, что думают об этом ваши прежние возлюбленные.

Герцога так и подмывало рассмеяться, но потрясение от ее чистосердечия оказалось сильнее.

– Ни одна из дам, которых я целовал, до сих пор не жаловалась, – выдавил он.

Аллегра вздохнула.

– На это у них ума хватило. Ни одна и слова бы не сказала, разве что вы были бы абсолютно ужасны. Женщины предпочитают мир и согласие. Зачем напрашиваться на скандал?

Герцог почувствовал себя уязвленным.

– Я совершенно уверен, – бросил он, – что лучше меня никто не целуется. С чего это вдруг вам пришло в голову спрашивать?

– О Господи, я задела ваше самолюбие, верно, милорд? Покорно прошу прощения.

Но играющая на ее губах улыбка противоречила извиняющемуся тону.

– Следует ли мне представить список дам, которых ты опросишь? – выпалил он, не в силах успокоиться. Это был ее первый поцелуй, по крайней мере так утверждала она сама. Ей следовало бы трепетать от волнения, вместо того чтобы требовать от него рекомендаций, удостоверяющих его искусство любовника.

Аллегра расслышала раздражение в его голосе, и теперь настал ее черед злиться.

– Мне просто любопытно, Куинтон, – объяснила она. – Меня учили, что любопытство – отнюдь не смертный грех и требует обязательного удовлетворения. Простите, если мой вопрос вас оскорбил. Если собираетесь на мне жениться, боюсь, вам придется к этому привыкнуть.

– Мне также придется привыкнуть к твоей прямоте, – мрачно буркнул он.

Но Аллегра весело рассмеялась:

– Господи, сэр, мы, кажется, уже поссорились, а ведь еще даже не женаты! Бьюсь об заклад, что между Сиреной и Оки царит идиллическое согласие.

– Они влюблены. Предаются сентиментальным мечтам и поют друг другу серенады, – с легким пренебрежением отозвался он.

– А мы равнодушны друг к другу, – кивнула Аллегра. Она не была уверена, что это ее не задевает, но тут же себя одернула. Любовь ведет к измене и горю. Уж лучше просто взаимная симпатия.

– Ты, случайно, не злопамятна по характеру? – осторожно спросил герцог, уже успокоившись. Верх взяло его природное добродушие.

– Бывает, но редко, – усмехнулась она.

– А, так вы здесь, дорогие мои! – воскликнула тетка, выходя на террасу. – Папа ищет тебя, Аллегра, но я вижу, у вас все в порядке. Я так ему и скажу.

Она улыбнулась и поспешно ушла.

– Хочешь встретить со мной восход солнца? – спросил герцог.

– В Лондоне? Такое невозможно, – удивилась Аллегра.

– Можем взять мой экипаж и поехать за город. Время еще есть. Может, Оки и Сирена захотят полюбоваться этим зрелищем вместе с нами.

– Если вы сможете вынести их постоянное воркование и нежности, я согласна.

– Таким деликатным образом ты пытаешься дать мне понять, что предпочитаешь только мое общество? – засмеялся герцог.

– Через несколько месяцев мы станем мужем и женой. Я хочу узнать вас получше, – серьезно ответила она. – Но если вы и впрямь желаете побыть в обществе моей кузины и ее нареченного, я немедленно пошлю за ними слугу.

– Нет, – мягко обронил он, привлекая ее к себе. – Мне бы тоже хотелось узнать тебя получше, Аллегра.

Он смотрел на нее с легкой улыбкой на губах, и ее сердце внезапно заколотилось. Черт возьми, он и вправду красив! Серебристо-серые глаза просто завораживают!

– Твои ресницы гораздо длиннее моих, – выдохнула она. На этот раз ее улыбка стала шире.

– Неужели?

– Честное слово, – прошептала Аллегра, зачарованно глядя на губы, только что подарившие ей первый поцелуй. Большой, четко очерченный рот, способный так нежно ласкать...

– Думаю, что тебя просто необходимо поцеловать еще раз, прежде чем мы поедем встречать рассвет, – перебил ее мысли герцог и снова завладел ее ртом, на этот раз крепко прижав ее к себе.

По спине Аллегры побежали мурашки. На какое-то мгновение она почувствовала себя слабой и беспомощной, но ощущение исчезло так же внезапно, как и появилось. Едва герцог отстранился, она улыбнулась, но не сказала ни слова, сообразив наконец, что мужчины не любят, когда их слишком откровенно расспрашивают о таких вещах, как искусство целоваться. К тому же ей приятно с ним, и разве этого недостаточно?

Пока Аллегра искала отца, чтобы сказать, куда едет, герцог приказал подавать экипаж.

– Какой чудесный вечер, папа! – воскликнула она, входя в библиотеку, где сидели отец и тетка. – Я так тебе благодарна!

– Подумать только, ты станешь герцогиней! – ликовала леди Эббот. – Как вы могли утаить от меня новость, негодники вы такие!

Она игриво погрозила им пальцем.

– Хотела, чтобы Сирена вдоволь порадовалась за себя. Ты же понимаешь, тетя, что стоило нам с герцогом объявить о помолвке чуть раньше, и никто не обратил бы на мою кухню ни малейшего внимания. Ведь в немалой степени своим успехом во время сезона девушка обязана зависти и восхищению людей, потрясенных твоей удачей! Наверняка многие

и помыслить не могли, что младшая сестра маркиза Роули с ее скромным приданым поймает графского наследника! Но красота и очарование Сирены победили! Так почему бы ей не наслаждаться своим триумфом? Узнай же свет обо мне и герцоге, эта новость затмила бы успех моей дорогой кузины.

Олимпия Эббот закрыла ладонью рот, чтобы не заплакать вслух, но справилась с собой и прошептала:

– Я так счастлива, что ты любишь Сирену, как родную сестру!

По ее щекам струились слезы радости.

– Ну-ну, дорогая, – вмешался лорд Морган, осторожно вытирая прозрачную влагу. – Разумеется, Аллегра любит Сирену, и потом, разве ты не заменила мать моему единственному ребенку? Мать, которой у нее не было?

– О-о-о, Септимиус, – всхлипывая, пробормотала добрая женщина.

– Мы с герцогом решили поехать за город и встретить восход солнца, – сообщила Аллегра, гадая, слышат ли они ее, но ответа так и не дождалась, поэтому потихоньку выскользнула за дверь. Пусть побудут вдвоем. Легкого толчка будет достаточно, чтобы отец женился на тетке. Они заслуживают счастья.

Черная карета герцога с прекрасными рессорами оказалась достаточно удобной. В нее была впряжена четверка гнедых с белыми гривами и хвостами. Кучер погнал лошадей по дороге, и вскоре город остался позади. Небо над ними по-

степенно становилось из черного темно-серым и продолжало светлеть. Скоро на нем показалась первая голубая полоска, становившаяся все ярче. Экипаж остановился на вершине холма, и седоки спустились вниз.

– Подождите здесь, – велел герцог и, взяв Аллегру за руку, повел вперед. На горизонте расцветали розовые, желтые и лиловые ленты, предвестники появления солнца. Наконец им на смену выплыл огромный оранжевый шар, повисший над синеющим вдалеке морем.

Аллегра с наслаждением вдохнула чистый воздух.

– Ах, как хорошо пахнет! Кажется, мы слишком долго пробыли в городе, и я почти забыла, до чего же свеж деревенский воздух. Скорее бы вернуться домой! После свадьбы Сирены сразу же и поедем!

– Тебе не нравится Лондон?

– Почему же, всегда неплохо погостить в столице, но мне совсем не хочется жить здесь постоянно, не говоря уже о том, чтобы воспитывать детей. Детям нужны природа, место, где можно резвиться, майским утром бегать босиком по росистой траве и скакать верхом по лугам.

Она раскинула руки и закружилась в причудливом танце.

– Подумать только, еще несколько недель – и я буду дома!

– Скоро твоим домом станет Хантерз-Лейр, – напомнил Куинтон.

– Он красив?

– Для меня – да.

– В таком случае и я полюблю его, – пообещала Аллегра.

– Пожалуй, я лучше отвезу вас домой, мисс Морган, – с притворной строгостью объявил он. – Солнце уже высоко, а вы проплясали ночь напролет. Кстати, ты прекрасно держалась с Принни. Настоящая герцогиня. Я горжусь твоими манерами.

– Правда? – скучающе обронила она. – Принц довольно красив, но, по-моему, чересчур толст. Видели, с какой жадностью он ест? Удивительно, как это его жилет не лопнул от всех тех устриц, которые он так жадно заглатывал.

– Надеюсь, ты не будешь столь же откровенной с посторонними? – вздохнул герцог.

– Я не так глупа, Куинтон, чтобы публично оскорблять принца, но думаю, что с тобой могу быть честна.

– Всегда, – кивнул он, помогая ей сесть в карету.

На обратном пути она уснула, положив голову ему на плечо. Что за необыкновенная девушка! Может, его брак окажется не таким уж несчастным? Пусть у нее не блестящее происхождение, но она хорошо воспитана, и манеры у нее как у настоящей леди. И несмотря на ребяческое чистосердечие, вовсе не легкомысленна. Просто говорит что думает. Ее отец сказал, что Аллегра привыкла сама распоряжаться своими деньгами, а это, видит Бог, доступно далеко не каждой женщине.

Куинтон Хантер вспомнил слова своей давно почившей дряхлой тетки. Она всегда твердила, что он должен жениться

на девушке из семейства, менее знатного, чем его собственное.

– Самое время влить свежую кровь в жилы Хантеров, мальчик, – ворчала она. – Привычка заключать браки между благородными семьями ведет к вырождению. Здоровая, крепкая девушка принесет тебе больше сыновей, чем какая-нибудь знатная худосочная мисс. Помни мои слова, мальчик!

Странно, что они пришли ему на ум именно сейчас, когда он уже помолвлен с Аллегрой Морган.

Куинтон повернул голову, чтобы взглянуть на невесту. Ее темные локоны растрепались. Он осторожно навил на свой палец непокорную прядь и вдохнул нежное благоухание. Аромат сирени, его любимого цветка. Какое удивительное совпадение, что она пользуется этими духами!

За окнами кареты оживал город. Экипаж свернул на Беркли-сквер и остановился перед домом лорда Моргана. Герцог, не в силах удержаться, нагнул голову и поцеловал гладкий лоб Аллегры.

– Ты дома, дорогая. Просыпайся, – шепнул он.

– М-м-м...

Фиалковые глаза медленно открылись и непонимающе уставились на него. Потом взгляд стал осмысленным.

– Я всю дорогу проспала? – ахнула девушка.

Из двери выбежал лакей, чтобы открыть дверцу кареты и помочь молодой хозяйке спуститься. Герцог пошел следом

и, проводив Аллегра до вестибюля, поцеловал в лоб.

– Я приеду завтра в три, и мы отправимся на прогулку в моем ландо. Теперь, после официального объявления о помолвке, мы должны ежедневно выезжать вместе.

– Завтра у меня примерка платья подружки невесты, – объяснила Аллегра.

– В три?

– Сама не знаю. Сегодня будет известно.

– В таком случае пришли ко мне лакея с запиской, – попросил он, перед тем как откланяться.

Аллегра побрела вверх по лестнице. В бальной зале все еще трудились горничные и лакеи, снимая украшения. Она поднялась к себе и увидела, что Онор мирно дремлет в кресле перед затухающим огнем.

– Я вернулась, Онор, – окликнула девушка.

Служанка вздрогнула и поспешно вскочила.

– Ой, мисс Аллегра, который же час?

– Почти семь, – ответила та, глянув на часы на каминной полке.

– Утра?! – охнула Онор. – Ужас-то какой! Мисс Аллегра, неужели вы всю ночь протанцевали? Все никак не могу привыкнуть, что вы ночи напролет на ногах. Правда, в городе так принято, но все же...

– Мы ездили за город встречать рассвет, – пояснила Аллегра.

– Кто? Кто был с вами? А ваш отец знает? – засыпала ее

вопросами горничная. Омор была на семь лет старше Аллегры и считала себя ее первой защитницей. Как и Аллегра, она родилась и воспитывалась в Морган-Корте и считала молодую хозяйку едва ли не родственницей.

– Ах, Омор, ты ведь не знаешь, а я обещала тебе сказать! Мы с герцогом Седжуиком обручились! Свадьба осенью. Будем жить в Херефорде. Это всего день езды от дома!

– Тот высокородный джентльмен, который испортил вам первый бал? И за него вы собираетесь выйти замуж? Но вы не можете его любить, мисс! Вы едва знакомы! – негодуя выпалила Омор.

– Поэтому и назначила свадьбу на октябрь, а не на июнь, как Сирена. Погостим дома и поедем в Хантерз-Лейр посмотреть за ремонтом и выбрать необходимую отделку. Уверяю тебя, герцог – человек благородный, но он беден. Этот брак сулит нам обоим выгоду. Я стану герцогиней, он получит мои деньги – по-моему, идеальное соглашение. А летом у нас будет возможность познакомиться поближе. Так что после свадьбы сюрпризов у нас не будет.

– Ошибаетесь, мисс. Сюрпризам всегда найдется место, – кисло проворчала Омор, помогая хозяйке раздеться. – Жаль, что вы не влюбились, как леди Сирена и ее молодой джентльмен. Ваша мама вышла за богатство – и видите, что случилось.

– А вот в семье герцога все женились по любви и теперь бедны как церковные мыши, – отпаривала Аллегра. – Зато

мы с герцогом вступаем в брак без особых иллюзий. Кроме того, он начинает мне нравиться, и, думаю, я ему тоже. Уверена, что мы станем большими друзьями и наша семейная жизнь будет вполне мирной. А теперь скажи, когда приедет на примерку мадам Поль?

– В одиннадцать.

– Тогда я должна хоть немного поспать, – решила Аллегра. – Разбуди меня в половине одиннадцатого. Принесешь чашку горячего шоколада. Мадам снимет с меня мерки, и я снова лягу в постель. Нужно успеть отдохнуть и одеться до того, как за мной заедет герцог.

– Да, мисс. Только скажите, куда вы собрались, чтобы я успела приготовить подходящий туалет, – попросила Онор.

– Мы проедемся по парку в его ландо. Нас должны каждый день видеть вместе. Пусть завистливые леди и джентльмены любят нас и сгорают от злости! – хмыкнула Аллегра и закрыла глаза. – О Господи, Онор, как я устала, – пробормотала она, прежде чем заснуть.

Мадам Поль прибыла ровно в одиннадцать часов. Она уже знала о помолвке Аллегры с герцогом Седжуиком и первым делом объявила:

– Я немедленно сниму мерку для свадебного платья, мисс Морган. Вы именно за этим меня пригласили?

– Разумеется, – ответила Аллегра, хотя ей еще в голову не приходило шить подвенечный наряд. – Я приеду в Лондон в

конце сентября на последнюю примерку.

– Вздор, мисс, я сама отправлюсь в Морган-Корт. Не подобает будущей герцогине Седжуик навещать мое скромное заведение. Франсин, неси платье подружки невесты. Посмотрим, что нужно исправить.

Туалет, по тогдашней моде, был с завышенной талией и кружевной пелеринкой. По кремовому шелку были разбросаны кисти сирени. Под грудью проходила лиловая бархатная ленточка, завязанная на спине бантиком. К платью полагалась широкополая соломенная шляпка, отделанная перьями и лиловыми лентами.

– Прелестно! – воскликнула Аллегра.

– Вам идет, – спокойно кивнула француженка. – А теперь, мисс Морган, можете возвращаться в постель. Я приеду еще раз, когда вы надумаете покинуть Лондон, чтобы выбрать ткань и фасон для вашего подвенечного платья.

Аллегра легла в постель, размышляя о своем новом статусе. Мадам Поль, разумеется, всегда была с ней вежлива и почтительна. Но теперь что-то изменилось, хотя трудно уловить, что именно. Очевидно, герцогиня Седжуик заслуживала совершенно иного обращения.

Разбудила ее Онор уже в начале третьего.

– Я хочу искупаться, – заявила Аллегра.

– Времени нет. Вы не успеете к приезду герцога.

– Значит, герцог подождет! – раскапризничалась Аллегра. – Я хочу принять ванну!

– Еще не замужем, а уже командует, – проворчала Онор и, приоткрыв дверь, сказала лакею, что мисс требует горячей воды.

– Вряд ли он расторгнет помолвку из-за того, что я вымоюсь, – рассмеялась Аллегра. – В конце концов, все это для него же! Итак, какое платье ты для меня выбрала?

Онор подняла вверх простое платье из белого муслина с зелеными веточками, с завышенной талией, низким вырезом и маленькими рукавами фонариком. Подол широкой юбки был забран мелкими фестонами.

– В нем я буду выглядеть невинной девственницей, обреченной на заклятие, – пробормотала Аллегра себе под нос. – Поэтому никакой шляпки. Я возьму зонтик и открою в экипаже, чтобы уберечь лицо от солнца. Зато все смогут как следует меня рассмотреть. Понимаешь, капор закроет мне лицо, а это совсем ни к чему. Пусть все убедятся, что в ландо герцога именно я, а не какая-то другая женщина.

Онор покачала головой.

– Я вас не узнаю, – протянула она. – Город не идет вам на пользу, мисс Аллегра. Никогда не думала, что вы можете быть... такой расчетливой.

– Но я такой стала, Онор, пусть и на несколько дней. Как подумаю обо всех этих девушках, которые были приветливы с Сиреной, но воротили от меня нос, потому что мой отец всего лишь лорд Морган, а не какой-то там маркиз или граф... Как они презирали меня за то, что я наследница са-

мого богатого человека в Англии! Я притворялась, будто не замечаю их презрительного фырканья, и старалась его игнорировать. Но прошлой ночью после объявления о помолвке девушки, которые и словом со мной не обмолвились, вдруг стали униженно пресмыкаться. И все потому, что я выхожу за герцога! Так что, пока мы еще в Лондоне, я намерена показать свою добычу всему свету! Когда я стану герцогиней Седжуик, все они склонятся передо мной!

– Мисс Аллегра! – вскричала шокированная Онор. – Вас никогда не было ни злости, ни мелочности! Ваш отец и тетюшка расстроились бы, услышав такие речи. Да и мне не слишком приятно!

– Ах, Онор, я не хотела быть жестокой, но ты понятия не имеешь о том, что мне пришлось пережить. Они были так надменны и холодны, так завидовали богатству моего отца! Не пойму, что плохого в деньгах? Ведь все родители в отличие от молодых девушек радуются богатству. – Аллегра рассмеялась. – Какой вздор, должно быть, я несу, дорогая Онор! – призналась она, обнимая горничную. – Не сердись на меня! Обещаю, что из меня не выйдет гордой и высокомерной герцогини, я просто немножко похвастаюсь, вот и все.

– О, мисс, я не могу долго злиться! – заверила Онор, прекрасно представлявшая, с чем пришлось столкнуться хозяйке. Сплетни среди слуг распространялись с поразительной быстротой. Но Онор все же считала свою хозяйку лучшей

девушкой на свете, невзирая на ее не слишком высокое происхождение.

В комнату вошли лакеи с горячей водой. Онор налила в фаянсовую ванну эссенцию сирени и поставила пеструю ширму. Аллегра легла в воду, а горничная выложила на постель шелковые юбки и чулки.

Искупавшись, девушка подождала, пока Онор расчешет ей волосы, потом натянула чулки с подвязками, украшенными крохотными розетками, и две нижние юбки. Онор застегнула лиф платья, уложила локоны и перевила их зеленой лентой. Аллегра сунула ноги в туфельки, вдела в уши коралловые серьги и обвила шею коралловым ожерельем. Закончив свой туалет, она посмотрелась в зеркало и улыбнулась.

– Сейчас принесу зонтик, – сказала Онор, когда Аллегра встала. Часы на каминной полке пробили три раза.

– Вот видишь, я не опоздала. Может, стоило бы заставить его подождать? Пусть видит, что я не бегу по первому его зову, – объявила Аллегра, проказливо сморщив нос. В дверь постучали. Онор предостерегающе погрозила хозяйке пальцем и выглянула в коридор. Там стоял лакей. Слуги о чем-то шепотом посоветовались, и Онор обернулась к Аллегре.

– Его сиятельство внизу. Я сказала, что вы сейчас спуститесь. Не хотите ли набросить кружевную шаль? Конечно, сейчас июнь, но в парке может быть прохладно. Не хватало вам подхватить насморк!

Не дожидаясь ответа госпожи, она принесла тонкую шаль

и поспешила вниз вслед за Аллегрой. При виде герцога она почтительно присела и набросила шаль на плечи хозяйки. Герцог слегка кивнул. Ничего не скажешь, красив, но нелегко с ним придется мисс Аллегре!

Жених с невестой вышли во двор. Герцог посадил Аллегру в ландо, и кучер взмахнул кнутом. Глядя им вслед, Онор подумала о том, что их дети будут не только богаты, но и высокородны, а кроме того, трудно отыскать столь же красивую пару.

Глава 5

– Очаровательный туалет, – похвалил герцог, когда ландо отъехало от дома. – Кстати, почему ты без капора?

Вместо ответа Аллегра раскрыла зонтик.

– Хочу, чтобы меня все видели, и, полагаю, вы тоже хотите, чтобы вас видели в моем обществе.

– Вот как! – догадался он. – Собираешься мстить.

Она горда, и он вполне способен разделить это чувство. Поэтому и наградил ее легкой улыбкой.

– А вы? Не желаете отомстить, милорд? Сколько маменек из более скромных семейств пытались уберечь от вас дочек, несмотря на ваш достойный род? И только из-за вашего тощего кошелька.

– Не уверен, что мне нравится столь острый ум. Чересчур уж быстро ты... меня поняла, – вздохнул герцог.

Девушка покраснела, но тем не менее горячо выпалила:

– Для того чтобы наш брак был крепким, мы прежде всего должны понимать друг друга, милорд.

– Сколько тебе лет? – удивился он.

– Как, вы не знаете? Семнадцать. Девятого декабря будет восемнадцать. А вы думали сколько?

Неожиданно Аллегра сообразила, что они и в самом деле ничего друг о друге не знают. Ничегошеньки! И поженятся по голому расчету.

Она задумчиво прикусила губу.

Куинтон, в свою очередь, был потрясен этим открытием. Ему было известно об Аллегре лишь то, что она богата и, к несчастью, у нее была легкомысленная мать.

– Семнадцать – самый подходящий возраст для замужества, – заметил он. – Третьего апреля мне исполнился тридцать один год. Наверное, я кажусь тебе очень старым.

– Не таким, как отец, – призналась она. – Я считаю, что муж должен быть старше жены.

Куинтон громко рассмеялся, сверкнув белоснежными зубами.

– Наверное, я заслужил такой ответ!

– Вы еще красивее, когда смеетесь! – неожиданно воскликнула Аллегра.

– Так ты считаешь меня красивым? – хмыкнул Хантер. – А ты – само совершенство, но, должно быть, и сама это знаешь. Красива и богата – я только и слышал это вчера вечером.

– А женщины все как одна восклицали: «Герцог! Герцог, дорогая моя», – улыбнулась Аллегра. – Пожалуйста, скажите, что нам не придется жить в Лондоне, милорд. Мне совсем не нравится упорядоченный, чопорный свет. По крайней мере в провинции нас будут принимать как обычную супружескую пару. И мы будем жить не по правилам, которые строго судят богатых, но незнатных наследниц и бедных, но благородных джентльменов.

– А мне казалось, что ты жаждешь мести, Аллегра. Ты

могла бы стать светской львицей, давать роскошные балы, проигрывать огромные суммы в игорных залах, подобно герцогине Девонширской; могла бы сделаться законодательницей мод. Всего этого невозможно добиться, прозябая в безвестности.

– Нет уж, спасибо, – отмахнулась Аллегра. – Следующие несколько недель я вдоволь поиздеваюсь над глупыми девчонками, которые имели наглость мной пренебрегать. Если вы хотели бы видеть своей женой ту даму, которую только что описывали, сожалею, милорд, но вам не повезло. Я и без того пришла в ужас, узнав, сколько денег отец потратил на сезон для меня и Сирены. Наши свадьбы тоже обойдутся ему в целое состояние. Если бы вложить эти деньги в выгодное предприятие, можно было бы получить неплохую прибыль. Теперь же все пущено на ветер. Что же до карточной игры, то я, как и вы, не выношу подобных занятий. Пустая трата времени и золота.

– Куда ты вкладываешь деньги? – поинтересовался герцог.

– В основном в компании-экспортеры. Кроме того, мне принадлежит небольшая ниточная фабрика в Йоркшире и акции нескольких транспортных компаний.

– Поразительно, чтобы столь юная девушка интересовалась делами! – удивился герцог. – Большинство твоих сверстниц предпочитают более веселое времяпрепровождение.

– Но почему? Женщины ничуть не глупее мужчин, а если

к тому же образованны, то способны почти на все! Важнее всего образование. Я думаю дать дочерям такие же фундаментальные знания, как и сыновьям.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.